

Лишний на станции

Влад Велирский

Влад Велирский

Лишний на станции

«Автор»

2026

Велирский В.

Лишний на станции / В. Велирский — «Автор», 2026

Автономная полярная станция «Кромка-7» отрезана магнитной бурей. На борту девять официальных членов смены — но контур безопасности раз за разом доказывает присутствие десятого живого человека. Инженер Нина Ветрова проверяет жетоны, тепловые зоны, расход кислорода и нагрузку в переходах, пока след не приводит к закрытому объёму, которого нет на новой схеме. Чтобы назвать лишнего, Нине придётся открыть акт семилетней давности с собственной подписью. Тогда группа решила, что один человек погиб, хотя тела не нашли. Теперь каждый участник помнит ту аварию по-своему, начальник станции защищает старую версию, а неизвестный в служебном хребте не спешит доверять спасателям. «Лишний на станции» — камерный полярный технотриллер о честных уликах, коллективной ответственности и цене формулировки, способной вычеркнуть живого человека из общего списка.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Десятый	6
Глава 2. Четыре счётчика	10
Глава 3. Слепая зона	15
Глава 4. Девять историй	20
Глава 5. Лишний паёк	24
Глава 6. Тёплая стена	28
Глава 7. Акт эвакуации	32
Глава 8. Неполный поиск	38
Глава 9. Чужое дыхание	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Влад Велирский

Лишний на станции

От автора

В замкнутом пространстве любой счёт кажется простым: достаточно назвать тех, кто вошёл, и вычесть тех, кто вышел. Но список людей и число живых тел — не одно и то же. Список составляют по правилам, должностям и принятым версиям прошлого. Тело оставляет тепло, вес, дыхание и потребность в воде, даже если его имя давно удалили из документа.

Этот роман построен как проверяемая загадка. Станция не обладает сознанием и не знает правды о своих обитателях. Её датчики ошибаются, имеют пределы точности и видят только отдельные признаки. Крупные выводы возникают там, где совпадают независимые следы, а важные детали появляются до того, как получают окончательное объяснение.

Полярная станция, архипелаг и техническая система в книге вымышлены. Процедуры безопасности подчинены художественному замыслу и не заменяют профессиональных регламентов. В центре истории — не техника сама по себе, а выбор людей, однажды договорившихся, какой ценой можно сохранить целое.

Иногда самый опасный лишний — не тот, кого насчитала система. Это свидетельство, для которого коллектив не оставил места.

Глава 1. Десятый

Вертолёт ушёл за семь минут до того, как небо закрылось.

Нина Ветрова видела его последний зелёный огонь между двумя полосами снега. Потом свет исчез, ветер ударил в стекло перехода, и за ним осталась только белая крупа. Диспетчерская антенна на крыше выгнулась к востоку. Красный флажок у посадочного круга вытянулся горизонтально.

— Успели, — сказал Сергей Аргунов.

Он стоял рядом без шапки, будто мороз за тройным стеклом подтверждал его власть над станцией. За семь лет он поседел на висках и перестал щуриться перед тем, как сказать неприятное.

— Они успели, — ответила Нина. — Мы остались.

На её планшете всплыло сообщение метеослужбы: магнитная буря четвёртого класса, резкое ухудшение ионосферной связи, ветер до тридцати двух метров в секунду. Следующее окно для посадки прогнозировалось через трое суток. Под прогнозом стояло предупреждение Павла Ратникова: модель после двадцати часов ненадёжна.

Аргунов коснулся панели у двери. Над ней загорелась стрелка.

— Жилой модуль готов. Приёмку начнём утром.

— Начнём сейчас.

— Вы летели девять часов с двумя посадками.

— А станцию собираются перевести в ограниченный режим через сорок минут.

Он посмотрел на её серый чехол с документами. Нина держала его в руке всю дорогу от вертолёта, хотя могла отдать механикам вместе с багажом.

— Плановый переход, — сказал Аргунов. — Пустые модули продуваем, тепло оставляем в жилом, энергетическом и лабораторном. Состав смены подтверждён.

— Я должна подтвердить его сама.

По внутренней связи дважды прозвучал короткий сигнал. Не тревога — приглашение на общий проход. Нина назначила его ещё с материка, и Аргунов не отменил. Это было первым хорошим признаком или первым способом показать, что ему нечего скрывать.

Они вошли в центральный узел.

«Кромка-7» не была одним зданием. Пять цилиндрических модулей стояли на регулируемых опорах, соединённые утеплёнными переходами. С высоты схема напоминала ключ: жилой и лабораторный блоки образовывали широкую головку, от центрального узла тянулись энергетический, складской и служебный секторы. Под настилом шли кабели, трубы и старый технический хребет, оставшийся от первой очереди станции.

Нина знала схему наизусть. В папке лежали три её версии. Ни одна не совпадала с остальными в мелочах.

В центральном узле ждали восемь человек.

Тамара Юдина поставила на край стола чайник и девять металлических кружек. Нина машинально пересчитала их раньше лиц.

— Десятая сушится, — сказала Тамара, заметив взгляд. — У неё ручка отвалилась.

— Я не спрашивала.

— Здесь быстро начинаешь отвечать на то, что ещё не спросили.

Олег Дронов сидел на корточках у нижней панели и закреплял снятую решётку. Он поднялся, вытер ладонь о комбинезон и поздоровался с Ниной так, словно они расстались вчера, а не семь лет назад.

Рядом стоял Лев Шорин. Врач постарел сильнее Аргунова: кожа у глаз стала тонкой, движения — осторожными. Он кивнул, не протягивая руки.

Майя Сафина представилась официально, хотя Нина помнила её голос по старым радио-сеансам. Вера Ким держала гарнитуру на одном ухе и продолжала слушать шипение дальней связи. Антон Мезенцев, электрик новой смены, проверял время на наручных часах. Павел Ратников пришёл последним, запорошенный снегом после площадки. Девятым был сам Аргунов.

Нина поставила чехол на стол.

— Общий проход нужен не для знакомства. После него никто не покидает центральный узел, пока мы не сверим четыре канала учёта.

— При таком ветре никто и не собирался гулять, — сказал Павел.

— Внешний выход тоже считается перемещением.

Антон показал на табло над шлюзом:

— «Состав» исправен. Утром тестировали.

— Исправность одного прибора не подтверждается тем же прибором.

Нина раздала пронумерованные полоски бумаги. Каждый написал имя, номер личного жетона и модуль, из которого пришёл. Аргунов заполнял последним.

— Бумага переживёт бурю? — спросил он.

— Нет. Но она не умеет сама исправлять вчерашнюю запись.

Олег хмыкнул. Лев посмотрел на него, и улыбка исчезла.

Сначала они прошли через рамку жетонов. Нина велела двигаться по одному, с интервалом в пять секунд. На её планшете появлялись строки:

`01 — ВЕТРОВА Н. — ГОСТЕВОЙ ДОПУСК`

`02 — АРГУНОВ С. — НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ`

Дальше — Шорин, Сафина, Дронов, Ким, Ратников, Юдина, Мезенцев. Девять активных идентификаторов. У Павла система дважды мигнула жёлтым и приняла запасной жетон с пометкой о ручной выдаче.

— Основной разбился у мачты, — сказал он.

— Осколки сохранили?

— В метеорологической. Могу принести.

— Потом.

Вторым каналом служила нагрузка в переходах. Датчики не взвешивали людей и не различали лица. Они фиксировали импульсы на опорах и вычисляли минимальное число отдельных проходов. Девять человек прошли из центрального узла в жилой модуль, развернулись и вернулись. Табло показало девять событий, объединённых в девять траекторий.

— Уже два совпадения, — сказал Антон.

— Два канала подтверждают, что через этот переход прошли девять жетонов и не меньше девяти тел, — поправила Нина. — Не больше.

— Вы всегда так разговариваете? — спросил Павел.

— Когда от разницы зависит, какой отсек останется с воздухом.

Тепловой канал выводился не числами, а схемой модулей. В жилом блоке горели девять белых точек. Система объединяла близкие источники, теряла человека возле горячей трубы и могла принять за тело недавно выключенный прибор. Поэтому Нина попросила всех положить ладони на холодную стену и отойти от оборудования.

Девять точек выстроились полукругом.

На схеме служебного сектора мигнула десятая.

Она появилась у нижнего края, за границей помещения, обозначенного как склад теплоизоляции. Сдвинулась на полметра и пропала.

Никто не заговорил сразу.

Антон первым коснулся экрана.

— Остаточное тепло. Там обратная труба.

— Труба не сдвигается, — сказала Майя.

— Меняется поток.

— На полметра за четыре секунды?

Аргунов увеличил схему. Точка больше не появлялась.

— Тепловой канал даёт ложные цели, — сказал он. — Поэтому у нас четыре способа учёта.

— Верно.

Нина открыла расход кислорода. «Состав» не измерял дыхание каждого. Он сопоставлял подачу, обратный состав воздуха, объём помещений и изменения давления. Нижняя граница пересчитывалась медленно, после десятиминутного окна.

На табло оставалось прежнее значение со времени посадки вертолѐта:

‘ПОДТВЕРЖДѐННЫЙ СОСТАВ: 09’

‘РАСЧѐТНАЯ НИЖНЯЯ ГРАНИЦА: 09’

Вера сняла гарнитуру.

— Дальний канал лёг. Остался коротковолновый, но буря его забивает.

— Внутренняя сеть? — спросила Нина.

— Стабильна.

— Локальные срезы пишутся?

— Каждые две минуты.

Аргунов поставил кружку под кран чайника.

— Мы можем провести кислородный опыт утром. Сейчас переход в ограниченный режим важнее.

— Ограниченный режим изменит объѐм расчѐта.

— Именно. Отсечѐм пустые помещения и увидим девять человек в жилом контуре.

— Если они пустые.

Он повернулся к ней.

— Вы видели одну тепловую помеху.

— Я видела источник, который система не смогла связать ни с одним жетоном. Теперь жду независимый канал.

Десять минут растянулись из-за обычных действий. Тамара разлила чай только в восемь кружек: Павел отказался, Нина не взяла. Антон проверил питание датчиков. Олег дважды посмотрел на дверь служебного перехода. Лев стоял отдельно, прижав большой палец к внутренней стороне запястья.

На восьмой минуте свет на секунду стал тусклее. Генератор принял нагрузку. Где-то под полом прошѐл глухой удар.

— Лѐд, — сказал Аргунов.

— Или опора, — сказал Олег.

— Какая?

Механик не ответил.

Табло обновилось без сигнала. Сначала изменилась строка кислородного расчѐта:

‘РАСЧѐТНАЯ НИЖНЯЯ ГРАНИЦА: 10’

Через две секунды верхняя строка осталась прежней:

‘ПОДТВЕРЖДѐННЫЙ СОСТАВ: 09’

Внизу появилось предупреждение:

‘РАСХОЖДЕНИЕ: НЕ МЕНЕЕ 01 ЖИВОГО ОБЪЕКТА БЕЗ СОПОСТАВЛЕННОГО ИДЕНТИФИКАТОРА’

Павел коротко рассмеялся.

— «Живого объекта»? Очень человечно.

— Формулировку меняли после того, как система посчитала ездовых собак, — сказала Вера.

Никто не поддержал шутку.

Нина сохранила срез на планшет, затем переписала четыре строки на бумагу. Попросила Веру поставить время внутренней сети и показание независимых часов. Антон подтвердил напряжение датчиков. Майя сфотографировала общую схему своим аппаратом.

— Ошибка кислородного анализатора, — сказал Аргунов. — Кухня, испарение, неполное смешивание воздуха.

— Возможно.

— Тогда не задерживайте переход. В девятнадцать сорок автоматика продует складской хвост и старый служебный объём. Мы теряем топливо каждый час.

До запуска оставалось двадцать шесть минут.

Нина посмотрела на схему. Девять людей находились рядом с ней. Девять жетонов лежали в пределах жилого контура. Десятая тепловая точка исчезла, но кислородный баланс добавил единицу в той же группе помещений, которую собирались объявить пустой.

Совпадение двух несовершенных каналов ещё не доказывало присутствие человека. Оно доказывало, что продувку нельзя считать безопасной.

— Остановите автоматический переход, — сказала она.

Аргунов не двинулся.

— У вас приёмочные полномочия, не оперативное командование.

— В моих полномочиях запрет необратимого действия при неподтверждённом составе.

— Мы не можем обогреть пустоту из-за арифметической ошибки.

— Тогда сначала докажем, что это пустота.

Антон ждал приказа начальника. Нина вынула из чехла акт допуска к консервации, положила его на стол и перечеркнула незаполненную строку подписи.

— Без моей подписи режим не введут по плану. Если запустите ручную, команда останется в журнале с вашим именем.

Аргунов медленно поставил кружку. Потом подошёл к панели и приложил жетон.

ПЕРЕХОД В ОГРАНИЧЕННЫЙ РЕЖИМ: ПРИОСТАНОВЛЕН ОПЕРАТОРОМ

— До независимого пересчёта, — сказал он.

— До независимого пересчёта, — повторила Нина.

В служебном секторе снова появилась тёплая точка.

На этот раз она не двигалась.

Глава 2. Четыре счётчика

Нина запретила всем расходиться и первым делом выключила звук тревоги.

Красная строка осталась на табло, но центральный узел перестал подавать голос каждые пятнадцать секунд. В тишине стало слышно, как по обшивке прохода скребёт снежная крупа. Девять человек стояли в круге света. За служебной дверью, если верить двум каналам из четырёх, находился десятый.

— Контрольный опыт займёт сорок минут, — сказала Нина. — Всё это время никто не выходит из отмеченной зоны без записи.

— Через сорок минут мы сожжём лишние сто двадцать литров топлива, — отозвался Аргунов.

— Запишите расход в возражения.

Она вынула из чехла рулон красной ленты и наклеила на пол прямоугольник вокруг стола. Тамара подняла чайник, чтобы лента прошла под проводом. Олег молча переставил стул. Только Павел остался на месте и посмотрел вниз, когда красная полоса упёрлась в носки его ботинок.

— За ограду нельзя? — спросил он.

— Можно. По одному, по моей команде, с бумажной отметкой времени.

— А если очень нужно?

— Особенно если очень нужно.

Нина положила на стол четыре чистых листа и подписала их: «Жетоны», «Нагрузка», «Тепло», «Воздух».

— Ни один канал не считает людей, — сказала она. — Рамка видит разрешённые метки. Опоры видят отдельные импульсы веса. Тепловой сектор видит тёплые области. Анализаторы видят, как меняется смесь воздуха. Каждый может ошибиться. Нас интересует только ошибка, которую не удаётся повторить в другом месте.

Антон кивнул на строку расхождения:

— Система уже свела каналы.

— Система вычислила нижнюю границу по данным, которые мы ей дали. Сейчас проверим сами.

Нина попросила Павла положить запасной жетон в металлический лоток. Тот отстегнул синюю пластинку от нагрудного кармана и бросил её чуть сильнее, чем требовалось. На обороте белела свежая царапина.

— Основной где именно? — спросила Нина.

— В метеорологической. В коробке для отказавшего оборудования.

— Кто видел, как он разбился?

— Вера. Я снимал лёд с нижней растяжки, жетон зацепился за карабин.

Вера не сразу поняла, что ждут её ответа.

— Корпус треснул, — сказала она. — Павел принёс обе половины. Я оформила запасной.

— Обе половины содержат метку?

— Антенна проходит по краю. Теоретически одна могла отвечать.

Аргунов сложил руки на груди.

— Вот и десятый.

— Если обломок отвечает, жетонный канал покажет десять. Он показывает девять.

— Показывал. Обломок мог лежать вне рамки.

— Поэтому принесём его, не покидая учётный контур.

Из центрального узла в метеорологическую вёл короткий переход через жилой модуль. Нина назначила Веру сопровождающей, но сама за ленту не вышла. Антон включил на план-

жете схему опор, Майя взяла бумажный лист и механический секундомер из аварийного ящика.

— Вера и Павел, выход, — сказала Нина. — Время.

— Девятнадцать двадцать две и сорок, — отчеканила Майя.

Две фигуры пересекли рамку. На экране вспыхнули два жетона, хотя пластинка Павла осталась в лотке: система узнала только Веру и временный гостевой допуск, который Нина выдала Павлу на одну операцию. Опоры записали два импульса. Тепловые точки на миг слились у двери, затем разошлись.

— Вот предел, — сказала Нина. — Если они пойдут плечом к плечу, тепловой канал способен принять двоих за одного. Если Павел повиснет на поручне, опора недооценит его вес. Но одновременно обмануть оба канала одним и тем же способом труднее.

— Вы рассказываете это тому, кто проложил половину кабелей, — сказал Олег.

— Я рассказываю всем. Потом никто не скажет, что не понимал условия.

Павел и Вера вернулись через четыре минуты. Вера несла прозрачный пакет с двумя синими осколками и лист выдачи. Павел первым переступил красную ленту, остановился и поднял руки, будто его обыскивали.

— Время, направление, цель, — напомнила Нина.

Майя записала данные. Нина приложила половинки жетона друг к другу. Трещина пересекала номер, а медная дорожка действительно осталась на одном крупном осколке.

Антон поднёс ручной считыватель. Прибор пискнул.

На табло появилось:

РАТНИКОВ П. — ОСНОВНОЙ ЖЕТОН — ОТОЗВАН

Вторая половина не ответила. Антон повторил проверку с трёх сторон, затем завернул оба обломка в экранирующую ткань. Число активных идентификаторов не изменилось.

— Девять, — сказал он.

— А если запасной и основной имеют один номер, система склеивает их? — спросила Майя.

Нина посмотрела на неё с одобрением.

— Тогда физически две метки дали бы одну строку. Проверим проходом.

Она оставила запасной жетон Павла в лотке, а отозванный основной вложила в карман пустой куртки. Куртку повесили на аварийную тележку вместе с двадцатилитровой канистрой воды. Олег толкнул тележку через рамку, а сам прошёл следом с пятиметровым интервалом.

Рамка зарегистрировала отозванную метку как сервисное событие, но не добавила человека. Опоры увидели сначала груз, затем Олега. Тепловой канал увидел только Олега: канистра и куртка оставались холодными. Воздушный расчёт за две минуты не изменился.

Потом опыт повторили с запасным жетоном. Рамка показала Павла, хотя Павел стоял внутри красного прямоугольника. Опоры снова записали груз, тепло — ничего, воздух — ничего.

— Дублирование существует, — подвела итог Нина. — Но оно объясняет ложное имя, не лишнее тело. В первом срезе девять жетонов совпали с девятью людьми здесь. Десятая единица пришла не от рамки.

Павел забрал пластинку и закрепил её глубже в кармане.

— Значит, я снова человек?

— Для одного канала.

Тамара поставила перед ним кружку с остывшим чаем.

— Начни с этого.

Нина разделила станцию на четыре зоны. В первую вошли жилой модуль и центральный узел, где находилась вся смена. Во вторую — лаборатория. В третью — энергетический и

складской модули. Четвёртой стал служебный сектор вместе со старым техническим хребтом под настилом.

На общей схеме хребет выглядел узкой серой линией, обрывавшейся у склада теплоизоляции.

— Почему он входит в служебную вентиляцию? — спросила Нина.

Олег ответил раньше Аргунова:

— Потому что его не стали отделять после второй очереди. Там кабельная ниша, две ревизионные камеры и старый воздуховод.

— Проходной объём?

— Для ремонта. Не для жизни.

— На схеме 2007 года камера продолжается ещё на шесть метров.

Олег посмотрел на серую линию.

— Старую часть заварили.

— Кто подписал скрытые работы?

— Архив потом посмотрите, — вмешался Аргунов. — Сейчас вы проверяете состав.

Нина не стала спорить. Слова «заварили» было достаточно, чтобы записать первый вопрос.

Антон переключил вентиляцию на последовательный забор проб. Заслонки не перекрывали воздух полностью, а по очереди направляли обратный поток каждой зоны к анализатору. На выравнивание требовалось по шесть минут. Аргунов потребовал оставить энергетический модуль в общем контуре, чтобы не перегреть генераторную. Нина согласилась: опыт не должен был создавать аварию ради красивого результата.

Жилая зона дала девять. Это ничего не доказывало сверх очевидного, но закрепляло исходную точку. Когда все девять одновременно задержали дыхание на десять секунд, расчёт не упал: окно усреднения было слишком длинным.

— Значит, воздух тоже не ловит человека в настоящем времени, — сказал Антон.

— И не отличает дыхание от горелки или реакции, — добавила Нина. — Поэтому в лаборатории Майя погасила все установки, а Тамара отключила кухонный пар. Мы не ищем число, которое нам нравится. Мы убираем известные причины.

Лаборатория дала ноль. Энергетический и складской сектор — ноль живых объектов при допустимом технологическом фоне. У служебной зоны анализатор долго не мог стабилизировать поток. Числа менялись после запятой, строка оставалась серой.

На пятой минуте под полом снова раздался глухой удар.

Олег поднял голову.

— Теперь скажете, что это опора? — спросила Майя.

— Воздуховод играет от перепада.

— В прошлый раз был лёд.

— Здесь всё играет от перепада.

Аргунов подошёл к панели вентиляции. Нина положила ладонь на крышку раньше, чем он коснулся клавиш.

— Не меняйте режим.

— Давление гуляет. Анализатор набирает мусор.

— Пусть закончит окно.

Красная полоса на графике выровнялась. Появилась итоговая строка:

`ЗОНА 04 / СЛУЖЕБНАЯ`

`РАСЧЁТНАЯ НИЖНЯЯ ГРАНИЦА: 01`

В ту же секунду тепловая схема отметила источник у старого хребта. Точка находилась дальше прежней — не у склада, а под соединительным переходом. Она держалась три секунды, погасла и возникла на соседнем квадрате.

Нина попросила Майю назвать время. Потом сверила его с локальным срезом.

— Два канала, одна зона, — сказала она.

— Один воздуховод, — возразил Аргунов. — Тёплый поток движется и меняет смесь.

— Поток не потребляет кислород.

— Анализатор не измеряет потребление напрямую.

— Поэтому мы повторим с контрольной подачей.

Аргунов усмехнулся без улыбки:

— Ещё сорок минут?

— Шесть.

Антон впустил в служебную ветвь малую дозу калибровочного газа из штатного баллона. Нина записала номер пломбы до вскрытия. По скорости распространения можно было проверить реальный объём зоны: если в схеме отсутствовала полость, метка придёт позже расчётного времени и слабее.

Метка пришла на девятнадцать секунд позже.

Антон повторил расчёт, сначала на планшете, потом на обратной стороне листа.

— Лишний объём, — сказал он. — Около сорока кубов. Плюс-минус восемь.

— Там старый воздуховод, — сказал Олег.

— Воздуховод уже учтён, — ответил Антон. — Сорок кубов — это помещение.

Нина обвела на бумажной схеме место, где обрывалась серая линия. В архивном плане за этой точкой помещались шесть метров технической камеры. Олег назвал её заваренной, но вентиляция показывала сообщающийся объём, а тепло двигалось вдоль него.

— Жетонных проходов в зону четыре после начала опыта? — спросила Нина.

Вера открыла журнал рамки.

— Ни одного. Последний — Олег в семнадцать десять, регламентный обход. Выход в семнадцать двадцать семь.

— По нагрузке?

Антон вывел историю опор служебного перехода. Две аккуратные траектории соответствовали Олегу. После них — только короткие одиночные импульсы, слишком слабые для человека.

— Вибрация от труб, — сказал он. — Или перенос веса вниз, мимо опоры.

— То есть человек мог попасть туда раньше и не пересекать рамку сейчас, — сказала Майя.

— Или там нет человека, — отрезал Аргунов. — Есть незарегистрированная полость, тёплый воздух и неверная модель обмена.

Нина записала обе версии. Вторая объясняла запоздание калибровочной метки и могла исказить кислородный расчёт. Она не объясняла, почему тепловой источник перемещался поперёк постоянного потока. Первая объясняла всё, кроме входа.

Пока ни одна не давала права вскрывать сектор вслепую.

— Дверь служебного перехода блокируем? — спросил Антон.

— Нет, — сказала Нина.

Аргунов впервые за весь опыт выглядел удивлённым.

— Почему?

— Если внутри человек, мы не знаем его состояния и выхода. Если это ошибка, блокировка испортит следующий опыт. Дверь опечатаем контрольной лентой, но оставим доступной изнутри.

Она отрезала четыре полосы бумаги, пронумеровала и раздала Майе, Вере и Антону. Четвёртую оставила себе.

— С этой минуты станция разбита на зоны. На каждом переходе — лист. Пишем время, имя, направление и цель. Рядом подпись второго человека.

— Электронный журнал делает то же самое, — сказал Аргунов.

— Электронный журнал уже не знает о сорока кубометрах собственной станции.

— Бумагу можно подделать.

— Можно. Но для этого придётся оставить другой след.

Нина закрепила первый лист возле служебной двери. На верхней строке написала: «19:58. Зона закрыта для одиночного входа. Основание: два независимых канала и неучтённый объём». Ниже поставила подпись и передала ручку Аргунову.

Он не взял её.

— Это не приказ начальника станции.

— Это условие моей приёмки.

— Вы готовы остановить консервацию из-за одной точки и плохой вентиляционной модели?

— Из-за двух показаний, скрытого объёма и отсутствия учтённого входа.

— А если ваш десятый выйдет через обычную дверь?

— Тогда он напишет имя.

Тамара тихо поставила рядом девятую кружку. Никто к ней не подошёл.

Аргунов всё-таки взял ручку и расписался как уведомлённый, не как согласный.

Когда Нина наклеивала контрольную ленту поперёк служебной двери, со стороны старого хребта донёсся третий удар. Не гул льда и не щелчок металла. Три коротких касания, пауза, ещё два.

Олег побледнел.

Нина записала время в бумажный журнал.

Глава 3. Слепая зона

Пять ударов больше не повторились.

Нина не позволила никому приблизиться к служебной двери. Бумажная лента оставалась целой, стрелка перепада держалась у нуля, но этого было мало. За дверью мог быть человек, мог сорваться лист обшивки, могла лопнуть труба. Каждая версия требовала своего действия, а ошибка в первой минуте могла уничтожить единственное доказательство.

— Антон, аварийное освещение и питание приводов — на отдельный автомат. Вера, связь по проводной линии. Лев, медицинский комплект к порогу. Никто не входит один.

— А кто входит? — спросил Павел.

— Сначала приборы.

Аргунов посмотрел на часы.

— До продувки было двадцать шесть минут. Мы уже вышли из графика.

— Продувка отменена до установления состава.

— Приостановлена.

— Тогда продлите приостановку под своим жетоном.

Он не двинулся. Антон молча повернул к нему панель. Команда мигала жёлтым. Аргунов приложил пластинку, ввёл код и выбрал ещё два часа.

Нина попросила Майю вести второй лист — не журнал переходов, а журнал решений. Время, команда, основание, исполнитель. Бумага не делала людей честнее, зато не позволяла задним числом превратить последовательность в удобную легенду.

Из аварийного шкафа принесли гибкую камеру на кабеле, газоанализатор и катушку страховочного шнура. Олег проверил разём камеры и назвал её бесполезной: за первой дверью два поворота, дальше кабельная ниша, куда объектив не пройдёт.

— Откуда знаете нынешнюю конфигурацию? — спросила Нина.

— Я механик.

— Вы сказали, старую часть заварили.

— Заварили камеру. Ниша осталась.

— На каком плане?

Олег потёр большим пальцем край отвёртки.

— На рабочем.

Аргунов вмешался:

— Сначала осмотр, потом допрос.

— Именно. Принесите рабочий план.

Официальная схема висела под прозрачным пластиком возле панели. Служебный переход на ней заканчивался прямоугольником ревизионной камеры и толстой чёрной чертой. Олег принёс из мастерской свёрнутую кальку, потемневшую по краям. На ней после камеры продолжались две линии: кабельный короб и тонкая ветвь вентиляции. Обе обрывались у надписи «демонтировано».

Нина положила рядом архивный лист 2007 года. Там линии шли дальше, огибали опору и входили в помещение без номера. Его правый край не помещался на копии.

— Это разные стадии проекта, — сказал Аргунов. — Архивная схема до реконструкции.

— Тогда должен быть исполнительный чертёж после реконструкции.

— Было предписание убрать старый объём из контура.

— Убрать физически или стереть с листа?

Аргунов не ответил.

Нина наложила кальку на архивную копию. Опоры совпали, изгиб кабельного короба совпал, но отметка «демонтировано» находилась на шесть метров раньше старого помещения. Кто-то не просто упростил рисунок. Он перенёс границу обследуемой зоны.

Антон закрепил у двери переносной датчик давления. Затем они закрыли все внутренние двери и на двадцать секунд снизили подачу в служебную ветвь. Перепад изменился плавно, без провала.

— Герметичного разрыва сразу за дверью нет, — сказал он.

— Это разрешает открыть первый участок, но не вскрывать внутренние панели, — сказала Нина.

Она назначила входную пару: Олег знает коммуникации, Антон отвечает за питание. Нина идёт третьей до первого поворота. Лев остаётся у порога. Майя и Вера наблюдают за лентой, журналом и показаниями. Аргунов должен был стоять у центральной панели, не имея права менять режим без вслух названной команды.

— Я начальник станции, — сказал он.

— Поэтому останетесь там, где одно ваше движение увидят трое.

Павел фыркнул, но сразу отвернулся, когда Аргунов посмотрел на него.

Ленту сняли в 20:17. Майя записала имена и цель. Первым дверь открыл Олег, стоя сбоку. Из темноты не ударил ни холод, ни поток воздуха. Пахнуло железной пылью и старой резиной.

Антон просунул камеру. На экране появились решётчатый настил, пучки кабелей и серый иней вдоль нижнего шва. Никого. Газоанализатор показал пригодную смесь, но углекислого газа было немного больше, чем в центральном узле.

— След дыхания? — спросила Майя по проводу.

— Или застой, — ответила Нина. — Пока не вывод.

Олег вошёл, пристегнув страховочный шнур. Антон держался в двух шагах. Нина переступила порог последней и остановилась на площадке, откуда видела обоих и дверь.

Служебный переход был уже, чем казался на плане. Слева шли трубы отопления, справа за сетчатой перегородкой лежали кабели. Через три метра коридор поворачивал под соединительный мост. Там на обшивке темнели пять вмятин: три рядом, две ниже.

Олег провёл перчаткой по металлу.

— Старые следы от инструмента.

Нина посветила сбоку. В углублениях не было инея, хотя вокруг он лёг тонкой коркой.

— Сделаны недавно.

— Здесь тепло.

— Тогда почему иней вокруг не растаял?

Олег убрал руку.

За поворотом обнаружилась первая разница со схемой. Кабельный короб не обрывался. Он нырнул под настил и уходил за панель, на которой белой краской нарисовали крест. Вентиляционная труба тоже продолжалась, но её датчик расхода был снят. От прибора остались крепёж, два заглушённых штуцера и кабель с аккуратным изолированным концом.

Антон присел, не касаясь провода.

— Его не вырвало. Сняли ключом. Разъём сухой, контакты смазаны.

— Давно?

— Не вчера. Но обслуживали.

Нина попросила Майю проверить журнал неисправностей. Та листала электронный архив почти минуту.

— Датчик ВР-четыре-десять числится установленным. Последняя поверка — август прошлого года. Результат нормальный.

Антон поднял фонарь. На шильдике крепления читался тот же номер.

— Поверяли отсутствующий прибор, — сказал он.

— Или подменили запись, — отозвалась Нина. — Снимите крупно номер и пломбы. Ничего не отсоединять.

Пломбы на соседней коробке выглядели целыми. Но кабель от снятого датчика входил не в неё, а в маленький серый пенал за трубой. Крышку удерживали два винта разного цвета. Антон показал на едва заметную перемычку.

— Обходной резистор. Контроллер получает постоянное значение в допустимом диапазоне. Не аварию и не ноль.

— Может быть штатной заглушкой? — спросил по связи Аргунов.

— Тогда она была бы на схеме и в перечне изменений, — ответил Антон.

Нина попросила назвать, кто имел право открыть этот пенал. Вера нашла матрицу доступа. Механический ключ хранился у начальника станции и механика; мастер-код знали электрик и инженер по безопасности принимающей стороны. Но для установки перемычки мастер-код не требовался: достаточно было открыть служебную дверь и снять два винта.

— То есть Аргунов, Олег и любой, кому дали ключ, — сказала Майя.

— Ещё прежний электрик, — добавил Антон. — И тот, кто работал до моего приезда.

— И Нина, если привезла свой инструмент, — сказал Аргунов.

— Мой допуск появился сегодня в 14:06, — ответила она. — Время выдачи сохранено у Веры и на моём планшете. Запишите меня в список и сразу вычеркните по времени.

Она не хотела списка подозреваемых, составленного по выражениям лиц. Ей нужен был список возможностей.

В архиве нашлись шесть открытий служебной двери за последний месяц. Пять под жетоном Олега, одно под жетоном Аргунова. Антон пользовался отдельным входом в энергетический отсек и к этой двери не подходил. Однако механический замок не сообщал системе, чей ключ повернулся. Жетон подтверждал только того, кто приложил метку.

— Пять моих обходов по регламенту, — сказал Олег. — Один аварийный после скачка давления.

— В журнале работ описаны четыре, — сказала Вера.

Олег взглянул на Аргунова.

— Значит, один не записал.

— Когда?

— Надо смотреть.

— Мы смотрим.

Нина попросила Майю выписать точные даты, но продолжать дальше не разрешила. Перед ними была не дверь, а панель старого типа. По архивной схеме за ней начиналась ревизионная камера; по актуальной — сплошной утеплитель. По краю панели тянулась свежая тёмная полоса, словно её недавно снимали и ставили обратно.

Газоанализатор у щели показал рост углекислого газа. Тепловизор увидел слабое тёплое пятно ниже уровня настила. Два канала снова указывали за стену.

Антон поднёс руку к защёлке.

— Не открывать, — сказала Нина.

— Там кто-то есть.

— Именно поэтому не открывать без расчёта объёма, опоры и пути назад. Мы не знаем давления и не знаем, что держит эта панель.

Олег стоял ближе всех. Нина заметила, что его страховочный карабин развёрнут замком внутрь, неудобно для случайного отстёгивания. Он поймал её взгляд и поправил карабин.

— Я всегда так цепляю.

— Сегодня будете иначе.

Она велела группе выйти тем же порядком. На обратном пути Антон закрепил над снятым датчиком бумажную метку с временем и общей подписью. Олег расписался последним. Его почерк оказался ровным, почти чертёжным.

В 20:39 все трое переступили порог. Майя назвала их по именам, Вера сверила три жетона, а переносной датчик нагрузки записал три отдельных импульса. Лев осмотрел руки и лица вошедших, будто заражение могло быть заметно по коже.

Служебную дверь снова закрыли и опечатали двумя лентами: одна через створку, другая через механическую скважину. Ключи Аргунова и Олега положили в прозрачные пакеты. Аргунов возражал, пока Нина не предложила сделать то же с её мастер-ключом. Три пакета подписали и оставили на столе перед Верой.

Теперь у них было четыре твёрдых факта. За официальной границей существовал сообщаемый объём. Архивная и актуальная схемы расходились ровно в месте этого объёма. Датчик вентиляционной ветви сняли сознательно, а контроллеру подали нормальное значение. За последний месяц доступ фиксировался только под жетонами Олега и Аргунова.

— Это не доказывает, что перемычку поставил кто-то из нас, — сказал Аргунов.

— Доказывает, что слепую зону поддерживали, — ответила Нина. — Случайная неисправность не смазывает контакты и не проходит фиктивную поверку.

— Вы опять назначаете виновного раньше проверки.

— Я назначаю следующую проверку. Сверим бумажные наряды, ключевой журнал и резервные копии контроллера. Потом рассчитаем безопасное вскрытие первой панели.

Олег попросил воды. Тамара протянула кружку, но он не взял.

— В мастерской моя фляга.

— Переходы только парами, — напомнила Нина.

— Мастерская в этой зоне. Десять шагов.

Красная лента ограничивала центральный прямоугольник, но не запрещала движение внутри жилой зоны. До мастерской действительно было десять шагов по открытому коридору, видимому от стола. Нина посмотрела на часы.

— Майя сопровождает до двери. Оба отмечаетесь.

Олег усмехнулся:

— За водой с конвоем.

— За второй подписью.

Майя вписала выход в 20:46. Они вместе пересекли линию жилой зоны. Нагрузочные опоры дали два импульса, рамка увидела два жетона. У двери мастерской Олег остановился.

— Фляга на верстаке. Я возьму и выйду.

— Я жду здесь.

Он вошёл. Дверь осталась открытой. Майя видела край верстака и синюю куртку на крючке. Через несколько секунд внутри звякнул металл.

Потом погас свет.

Не на всей станции — только в мастерской и коротком коридоре перед ней. Аварийные полосы вдоль пола включились с секундной задержкой. Майя шагнула к двери и крикнула Олега.

Нина уже бежала к ней, но остановилась до пересечения линии.

— Не входить. Антон, свет. Вера, время и журнал.

Антон поднял автомат мастерской. Он не был выбит. На панели горела команда местного отключения, введённая изнутри.

— Олег! — снова позвала Майя.

Ответа не было.

Свет вернулся. Мастерская оказалась пустой. Фляга стояла на верстаке, крышка лежала рядом. Единственная обычная дверь всё время оставалась в поле зрения Майи. Наружный аварийный люк был закрыт двумя засовами изнутри и покрыт непрерывной коркой инея.

Нина не вошла, пока Антон не проверил воздух и нагрузку. Затем они осмотрели помещение вдвоём. Под верстаком, за шкафами, в ремонтной яме — никого. На дальней стене находилась решётка возвратной вентиляции, слишком узкая для плеч взрослого человека. Рядом — кабельный шкаф, глубиной меньше локтя.

— Он не мог исчезнуть, — сказала Майя.

— Значит, мы не видим путь.

Вера вывела журнал рамок. После 20:46 жетон Олега не пересекал ни одной границы. Опоры записали вход двух человек и возвращение одной Майи, когда она отступила к красной линии. Тепловой канал перед отключением света видел две точки; после включения — одну у двери.

Нина пересчитала людей вслух.

Аргунов. Лев. Майя. Вера. Павел. Тамара. Антон. Нина.

Восемь.

На панели «Состав» жетонный канал показывал восемь официальных меток. Канал нагрузки подтверждал восемь человек в доступных зонах. Но кислородная строка после короткого окна ещё не стабилизировалась, а тепловая схема служебного хребта снова зажгла отдельную точку за опечатанной дверью.

Нижняя доказанная граница мигнула и вернулась к девяти.

Олег исчез из общего учёта без зарегистрированного прохода. Лишний человек остался.

Глава 4. Девять историй

Нина запретила искать Олега толпой.

Исчезновение требовало скорости, но девять человек, мечущихся по станции без свидетелей, уничтожили бы всякий учёт. Она оставила Веру у панели, Антона — у питания, Льва — в центральном узле. Остальных разделила на пары и дала каждой один маршрут. На бумажном плане маршруты выделили разными карандашами; пересечения отмечали временем.

Мастерскую осмотрели первой. Майя повторила путь Олега от красной линии до двери, не заходя внутрь. Камера над коридором показала её спину и правое плечо Олега, затем местное отключение. После возвращения света в кадре была только Майя.

— Между последним изображением и темнотой одна целая восемь десятых секунды, — сказала Вера. — До двери он не дошёл бы.

— До обычной двери, — уточнила Нина.

В ремонтной яме нашли старый кабельный лоток. Он уходил под стену в сторону служебного хребта, но был уже человеческой груди и заполнен трубами. На пыли лежал свежий след ладони.

Антон измерил просвет.

— Пролезет рука. Человек — нет.

Павел наклонился к решётке.

— А если трубы снимаются?

— Тогда здесь были бы инструменты, шум и следы на крепеже.

Нина записала: путь не найден, отсутствие пути не доказано. Олег знал мастерскую лучше всех и мог подготовить выход заранее. Но он не мог раствориться из общего учёта: где бы он ни оказался, тепло, воздух или нагрузка должны были прибавить его к оставшимся.

«Состав» показывал девять. Восемь видимых плюс одна единица в хребте. Если Олег ушёл туда, прежний десятый должен был исчезнуть или совпасть с ним в пределах разрешения двух каналов. Если Олег остался в неизвестном пути отдельно, нижняя граница должна была подняться до десяти после стабилизации воздуха.

Она не поднялась.

— Значит, точка за дверью — Олег, — сказал Аргунов.

— Возможно. Но до его исчезновения она уже была там.

— Тепло могло остаться от трубы.

— А кислород?

— Модель объёма неверна.

Он повторял прежнее объяснение, хотя снятый датчик уже показал, почему модель была неверна.

Нина решила проверить не характеры, а девять маршрутов. Каждый должен был отдельно назвать, где находился с момента её прилёта, кто его видел и каким каналом это подтверждалось. Ответы давали по одному в лаборатории. Остальные оставались в центральном узле под камерой и бумажным журналом. Так никто не мог подстроить последовательность под уже услышанную версию.

Первым вошёл Павел.

Он положил запасной жетон на стол, словно заранее знал, о чём спросят.

— Его выдала Вера в январе. Основной разбил на растяжке. Обломки вы видели.

— До выдачи запасного кто им пользовался?

— Понятия не имею.

На пластинке был идентификатор Павла, но корпус оказался старше его назначения на станцию. Вера позже подтвердила: это оборотный резерв, который перепрошивают для нового

владельца. Предыдущий сертификат был удалён из рабочей базы, однако контрольная сумма сохранилась в архиве.

— Вот ваш призрак, — сказал Аргунов, когда услышал об этом. — Чужая метка под именем Павла.

Нина повторила опыт из второй главы. Жетон оставили в лаборатории, Павел прошёл рамку по временному допуску, затем вернулся. Рамка могла показать одно имя дважды, но тепло и нагрузка неизменно видели одно тело. Когда пластинку провезли отдельно на холодной тележке, система не добавила живого человека.

— Запасной жетон объясняет чужое имя в старом журнале, если оно там есть, — подвела итог Нина. — Исчезновение Олега и дыхание в хребте он не объясняет.

Павел оказался единственным, чья история начиналась не семь лет назад и даже не год назад. На «Кромку-7» он приехал в декабре. Во время старой аварии учился в школе. Его можно было подозревать в сегодняшней хитрости, но не в изменении схемы 2007 года.

Антон прибыл прошлой осенью. Он назвал все четыре входа в энергетический сектор, и каждый совпал с токовой нагрузкой на щите. Во время исчезновения Олега Антон находился у центральной панели; его видели Вера, Лев и камера.

— Значит, новые чисты? — спросил он.

— Значит, их истории короче, — ответила Нина.

Тамара вошла третьей. Она отвечала осторожно, не глядя на диктофон.

— В 2007 году была заведующей складом и кухней. В день аварии выдавала тёплые комплекты у вертолётной площадки.

— Кирилла Нестерова видели?

Тамара подняла глаза.

Имя прозвучало впервые с начала тревоги. За стеной загудела вентиляция, и Нине показалось, что этот обычный звук стал громче.

— Видела утром, — сказала Тамара. — До пожара.

— После?

— Нет.

— Кто сообщил, что он погиб?

— Аргунов. Потом Лев.

Майя семь лет назад была младшим гляциологом. Во время аварии она проверяла трещину у посадочной площадки и вернулась после первого сигнала эвакуации. Кирилла после пожара не видела. Вера работала на связи и принимала доклады из модулей. Её журнал содержал обрыв сеанса с нижнего поста, но оригинальная лента исчезла при переезде архива.

— Исчезла или была списана? — спросила Нина.

— В акте написано «повреждена водой».

— Кто подписал?

— Я и Аргунов.

Лев говорил языком медицинского протокола. Он оценил травму Кирилла по радиодокладу, не осматривая его лично. Уверял, что при описанном ожоге дыхательных путей и времени до эвакуации шансов не было.

— Кто описал травму?

— Сергей.

— Вы слышали Кирилла?

— Нет.

— Тело видели?

— Нет.

Лев снял очки и протёр их краем свитера.

— Мы выбирали, кого успеет забрать борт.

— Вопрос был не о выборе.

Аргунов отказался садиться. Семь лет назад он руководил сменой, первым вошёл в задымлённый переход и последним, по его словам, видел Кирилла у нижнего поста.

— Он был прижат рамой. Связь пропала. Второй очаг отрезал путь.

— В какое время?

— Около четырнадцати десяти.

— Точнее.

— Посмотрите акт.

— Я спрашиваю вашу память.

— Семь лет прошло.

На вопрос об Олеге Аргунов ответил, что механик мог открыть старый сервисный лаз, неизвестный остальным. На вопрос, почему этот лаз отсутствует на плане, — что после реконструкции его должны были закрыть. На вопрос, кто принял закрытие, — что документы составляла комиссия.

— В комиссии были вы и Нина, — сказала Вера из дверей.

Аргунов повернулся к ней.

— Вы должны быть у панели.

— Павел сменил меня на две минуты. По журналу.

Нина отметила не нарушение, а реакцию. Аргунов следил за тем, кто слышит его ответы, внимательнее, чем за самими ответами.

Свою историю Нина продиктовала последней, при всех. В 2007 году она была младшим инженером комиссии. После пожара сверяла доступные зоны и подписала схему поиска, на которой нижний служебный объём обозначили непроходимым. Тело Кирилла она не видела. Физическое закрытие коридора лично не проверяла.

— Почему? — спросил Павел.

— Потому что вертолёт должен был уйти до ухудшения погоды. Повторная проверка задержала бы акт.

— И вы решили, что одного уже нет?

— Я подписала, что зона проверена в доступных пределах.

— Это не ответ.

— Другого пока не будет.

Нина почувствовала в кармане сложенный край своей копии акта. Достать её означало изменить проверку: после этого каждый начнёт помнить не событие, а формулировки документа. Она оставила бумагу на месте.

Олега опросить было невозможно, но его прежние записи сохранились. В личной карточке значилось: механик «Кромки-7» с 2006 года, участник аварийной смены, отвечал за тепло и служебные коммуникации. Таким образом, семь из девяти историй сходились в одной точке: Нина, Аргунов, Лев, Майя, Олег, Вера и Тамара находились здесь во время пожара. Только Павел и Антон пришли позже.

Они разошлись в деталях, но одинаково описали один промежуток.

Нина разложила девять листов по времени. До 14:10 показания подтверждались радиожурналом, кухонной ведомостью, метеосводкой и бортовым списком. После 14:34 начиналась посадка в вертолёт. Между этими отметками лежали двадцать четыре минуты.

Аргунов утверждал, что искал Кирилла с Олегом. Олег в старом наряде числился у аварийного насоса. Лев готовил пострадавших. Вера потеряла запись нижнего канала. Майя была у площадки. Тамара выдавала комплекты. Нина сверяла схему.

Ни у одного действия внутри станции не было независимого свидетеля.

— Так не бывает, — сказал Антон. — Семь человек и ни одного пересечения?

— Бывает, если пересечения убрали из итогового документа, — ответила Нина.

Она нашла в архивной копии журнала две соседние страницы. Нумерация шла с сорок первой сразу на сорок третью. На корешке оставался узкий рваный край.

Двадцать четыре минуты старой аварии существовали только в семи рассказах людей, которые подписали один акт. Страница, способная связать рассказы между собой, была вырвана.

А Олег, единственный человек, знавший служебные коммуникации до реконструкции, исчез прежде, чем смог рассказать свою версию.

Глава 5. Лишний паёк

Тамара дождалась, пока Аргунов выйдет из лаборатории, и поставила перед Ниной жестяную коробку из-под чая.

Коробка была перевязана кухонным шпагатом. На крышке выцвело слово «Цейлонский», хотя чай на станции выдавали из серебристых пакетов без названий. Тамара развязала узел, вынула три школьные тетради и прижала их ладонью.

— В электронном складе всё сходится, — сказала она. — В моём — нет.

— Почему два склада?

— Потому что электронный умеет забывать так, как ему велят. А я — не всегда.

В первой тетради значился 2011 год. Клетки были заполнены мелким почерком: дата, продукт, масса, основание выдачи. Никаких имён — только кухня, выездная группа, аварийный комплект, списание после разморозки. На полях Тамара ставила короткие косые черты.

Нина перелистнула несколько страниц.

— Что означают черты?

— То, что я не смогла подтвердить накладной. Сначала думала, сама ошибаюсь. Потом стала отмечать.

Она открыла тетрадь на середине. Напротив крупы стояло минус двести граммов. Через шесть дней — банка мясных консервов. Ещё через пять — сухое молоко, сахар и две упаковки галет. Каждая потеря была слишком мала для тревоги. На кухне просыпали крупу, вскрывали повреждённые банки, кормили людей после ночной работы. Месячное расхождение укладывалось в допуск.

— По отдельности мусор, — сказала Тамара. — За год — человек.

Нина подняла глаза.

— Покажите расчёт.

Тамара достала сложенный лист. На нём были сведены три тетради и распечатки складской программы. В 2011 году недоставало ста семидесяти шести суточных рационов, в следующем — ста восьмидесяти двух, затем ста семидесяти девяти. Не полный паёк каждый день. Примерно половина нормы, иногда больше.

— Это не запас на случай аварии, — сказала Нина.

— Я знаю.

— И не обычная порча.

— Тоже знаю.

Тамара произнесла это без вызова. Так говорит человек, который уже вынес обвинение себе и теперь ждёт, совпадёт ли чужое.

Нина разложила тетради по годам.

— Почему вы принесли их сейчас?

— Потому что Олег не вернулся. Потому что ваша машина всё-таки сосчитала того, кого мы не считали. Выберите любой ответ.

— Вы знали, кому уходила еда?

— Нет.

— Но знали, что уходила.

— Да.

За дверью центрального узла кто-то передвинул стул. Бумажный журнал работал: каждое перемещение теперь оставляло время и свидетеля. Но станция уже много лет жила рядом с перемещением, которого не было ни в одном официальном журнале.

Нина взяла прозрачную линейку и стала отмечать даты недостач. Тамара наблюдала, не предлагая помощи. Первые десять точек легли неровно: пять дней, семь, четыре, девять. Потом

проступил ритм. Крупная выдача раз в двенадцать или тринадцать дней, между ними — одна-две дробные.

— Большие позиции проводили как аварийный резерв, — сказала Нина.

— Да. А мелочь размазывали по кухне. Полбанки масла — в перерасход выпечки. Сухое молоко — в кашу. Сахар — в напитки ночной смены.

— Кто имел право исправлять электронные ведомости?

— Я. Начальник станции. Механик — если получал запас для выездной группы.

— Вы исправляли?

Тамара перевернула тетрадь и показала последнюю колонку. Возле части косых черт стояла буква «Т», возле других — «О».

— Я закрывала месяцы. Олег приносил основание: порча упаковки, учение, замена НЗ. Иногда подпись Сергея уже стояла. Иногда появлялась потом.

— Вы спрашивали?

— Первый год.

— И что вам ответили?

— Что на нижнем посту должен лежать резерв на случай отсечения перехода. После аварии — разумно. Я спросила, почему резерв не числится. Сергей сказал: помещение выведено из схемы, программа не примет адрес хранения.

Нина положила рядом копию сегодняшнего журнала доступа. За последний месяц служебную дверь открывали жетоны Аргунова и Олега. Этого было недостаточно: два ряда чисел можно было заставить совпасть, выбирая удобные даты. Она попросила Веру принести архив контрольных срезов, а Павла — остаться свидетелем при работе с файлами.

— Сергей разрешит? — спросила Вера.

— Архив нужен для поиска пропавшего человека.

— Я не про основание. Я про то, даст ли он вам закончить.

— Поэтому Павел останется здесь.

Они выгрузили только метки времени, без имён. Нина не хотела, чтобы программа сразу выдала ожидаемый ответ. Тамара называла даты крупных недостат, Вера искала ближайшее открытие служебного сектора, Павел записывал разницу.

Одиннадцатое января: выдача в 21:40, дверь в 22:06.

Двадцать четвёртое: выдача в 06:15, дверь в 06:51.

Шестое февраля: выдача в 23:10, дверь в 23:32.

Девятнадцатое: выдача в 14:05, дверь в 14:47.

За три года они нашли семьдесят четыре крупные выдачи. Шестьдесят девять сопровождались открытием служебной двери в пределах часа. В четырёх случаях архив проходов отсутствовал из-за регламентных работ. Один раз дверь открылась через два часа девятнадцать минут — в тот день Олег устранял течь в жилом модуле и не мог уйти раньше.

Случайность перестала быть объяснением.

— Теперь имена, — сказала Нина.

Вера открыла закрытую колонку.

Шестьдесят восемь проходов принадлежали Олегу. Один — Аргунову.

— Сергей ходил вместо него? — спросил Павел.

— Или проверял, — сказала Тамара.

Нина посмотрела на дробные списания. Они заполняли промежутки между крупными выдачами, но неравномерно. Осенью еды уходило больше, весной меньше. В дни сильного холода добавлялись жир и сахар. Кто-то составлял рацион не по календарю, а по расходу сил.

— Вы знали, что резерв кто-то ест, — сказала Нина Тамаре.

— Я знала, что продукты не возвращаются.

— Это осторожная разница.

— Осторожность здесь семь лет считается добродетелью.

Тамара выпрямилась. Впервые за разговор в её голосе появился металл.

— Хотите правду? Я боялась открыть дверь и увидеть пустой теплообменник. Тогда пришлось бы признать, что я годами кормила не человека, а чужую власть надо мной. А если там человек — пришлось бы спросить, почему он не выходит. Оба ответа были хуже недостатка.

Нина не успела ответить. Из динамика внутренней связи донёсся треск.

Вера повернулась к панели.

— Канал мастерской.

Она включила запись и подняла ладонь, требуя тишины. Треск повторился, затем сквозь него проступило дыхание.

— Центральный... слышите?

Голос Олега был глухим и далёким.

Майя первой шагнула к микрофону, но Нина остановила её.

— Олег, говорит Ветрова. Назовите место и состояние.

— Сервисная перемычка. Между мастерской и старым контуром. Цел. Света нет. Рация садится.

— Почему перемычки нет на плане?

— Потому что её закрыли.

— Вы прошли через кабельный лоток?

Послышался короткий смешок, сразу перешедший в кашель.

— Только руку туда сунул. За лотком защёлка. Сдвигается вся стойка, если разгрузить нижнюю опору.

Антон тихо выругался без слова, одним выдохом. Они искали отверстие там, где открывалась стена.

— Можете вернуться тем же путём?

— Могу. Но у внешней панели Майя. Была. Я не хотел...

— Не хотели, чтобы вас увидели выходящим из стены?

Олег не ответил.

Нина придвинула к микрофону лист с датами, будто он мог их видеть.

— Мы сопоставили складские ведомости и ваши проходы. Шестидесят восемь выдач. Вы носили продукты в закрытый объём.

Шипение канала стало громче. Вера проверила шкалу: сигнал не исчезал, Олег просто молчал.

— Олег, — сказала Тамара, — я принесла тетради.

— Зря.

— Поздно решать за меня.

— Тамара...

— Сколько лет я прикрывала ваши списания?

— Не сейчас.

— Именно сейчас. Или выходите и говорите при всех, или я прочту каждую дату в общий канал.

Аргунов вошёл во время последней фразы. Павел, сидевший у двери, отметил время в журнале и подал ему лист для подписи.

— Что происходит?

Нина не выключила микрофон.

— Мы нашли Олега. И нашли семьдесят четыре выдачи незарегистрированного резерва.

Аргунов посмотрел на тетради. Его лицо изменилось едва заметно: не удивление, а досада человека, увидевшего давно известный дефект в неподходящий момент.

— Это внутренние хозяйственные документы.

— Теперь это основание для спасательной операции.

— Он сам забрался в закрытую перемычку.

Из динамика донёлся голос Олега:

— Сергей, хватит.

Аргунов приблизился к панели.

— Возвращайся. Немедленно.

— Вернусь, если не полезете за мной.

— Ты не ставишь условия.

— Семь лет ставили вы.

В центральном узле стало тихо. Лев смотрел в пол. Вера держала палец над регулятором, но не касалась его. Тамара стояла возле своих тетрадей, как возле открытого люка.

Нина взяла микрофон.

— Олег, я обеспечу свободный выход через мастерскую. Майя и Павел будут свидетелями. Никто не войдёт в перемычку до проверки давления и схемы. Взамен вы отвечаете на один вопрос сейчас. Куда относили резерв?

— К теплообменнику.

— Какому?

— Старому, Т-нулевому. За закрытым участком.

— По чьему распоряжению?

Снова пауза. На этот раз Нина слышала не только дыхание Олега. Где-то рядом с ним прошёл низкий металлический гул, будто по трубе изменился поток.

— По приказу Аргунова, — сказал Олег.

Аргунов рванулся к выключателю связи, но Вера заслонила панель.

— Не трогайте. Запись идёт.

— Вы не понимаете, что он открыл.

— Пока только канал, — сказала Нина.

Она снова нажала передачу.

— Для кого предназначались продукты?

— Я отвечу после выхода.

— Там есть человек?

Олег дышал слишком близко к микрофону. Потом отодвинул рацию, и металлический гул стал отчётливее. В нём различались короткие удары: один, ещё один, затем два подряд.

— Олег?

— Я не один решаю, выходить ему или нет.

Связь оборвалась.

«Состав» на стене по-прежнему показывал девять. Восемь человек находились в центральном узле и соседних контролируемых помещениях; девятый, Олег, говорил из хребта. Значит, второй человек рядом с ним либо не добавлял независимую единицу в текущем разрешении датчиков, либо ушёл из зоны счёта прежде, чем Олег вошёл.

Нина перечеркнула прежнее обозначение на бумажном плане. Вместо «закрытый теплообменник» написала: «Т-0. Обитаемый резерв?». Вопросительный знак оставила.

У них были еда, маршрут и приказ. Личности всё ещё не было.

Но теперь лишний человек оказался не ошибкой станции и не случайным беглецом. Кто-то обеспечивал его существование годами — по расписанию, которое вся смена предпочитала принимать за хозяйственный шум.

Глава 6. Тёплая стена

Олег вернулся через девятнадцать минут.

Майя и Павел ждали в мастерской по разные стороны от подвижной стойки. Вера держала открытым внутренний канал. Нина наблюдала по камере и отмечала время каждого действия. Сначала из щели показалась рука, затем Олег отжал скрытую защёлку, приподнял нижнюю опору и развернул стойку вместе с кабельным лотком. За ней открылся проход шириной в плечо.

Олег вышел боком. На его куртке лежала серая пыль, левый рукав был мокрым до локтя.

— Стойку не закрывать, — сказала Нина по связи. — Павел, отойдите от проёма. Майя, визуальный осмотр Олега без контакта.

— Дышит, кровь не вижу, — ответила Майя. — Руки дрожат.

— От холода, — сказал Олег.

— В перемычке плюс четырнадцать.

— Тогда от вас.

Он попытался улыбнуться, но посмотрел не в камеру, а в темноту за стойкой. Из прохода никто не вышел.

Нина велела Олегу оставить рацию на полу мастерской и пройти в лабораторию по размеченному маршруту. Там Лев измерил давление, сатурацию и температуру, после чего Олег сел перед стеклянной перегородкой. Дверь не запирали. У неё стояли Павел и Тамара, чтобы разговор нельзя было превратить ни в тайный допрос, ни в удобное исчезновение второго свидетеля.

— Кто у Т-0? — спросила Нина.

— Я обещал ответить после выхода. Не сказал, что отвечу вам.

— Тогда кому?

— Ему. Сначала ему.

— Рацию оставили в мастерской.

— Там есть проводная линия.

— Вы только что сообщили способ связи всем присутствующим.

Олег потёр лицо ладонями.

— Поэтому я и не хотел возвращаться.

Аргунов потребовал изолировать его за самовольное вскрытие закрытого объёма. Нина отказала: изоляция человека, знающего скрытую трассу, увеличивала риск и облегчала давление на него. Олег остался в лаборатории под камерой. Аргунову запретили входить туда без двух свидетелей.

— Вы уже назначаете мне режим? — спросил он.

— Я фиксирую конфликт интересов.

— На моей станции.

— На станции, схема которой не совпадает со стенами.

Майя вызвала Нину в служебный коридор. Она закрепила на штативе тепловизор и закрыла объектив колпачком, пока прибор выравнивался по температуре помещения. Рядом лежали два контактных датчика, лист миллиметровой бумаги и рулон малярной ленты.

— Если мы сейчас посмотрим и увидим красивое пятно, Сергей назовёт его бликом от трубы, — сказала Майя. — Поэтому сначала сетка.

Они разметили панель квадратами по двадцать сантиметров. Антон отключил ближайший обогревательный контур, но не трогал вентиляцию. Температура коридора за десять минут упала на восемь десятых градуса. Стена возле действующей трубы остывала вместе с воздухом. Узкая область за квадратами Д-6, Д-7 и Е-7 оставалась почти неизменной.

Майя переставила контактные датчики. Один прижала к тёплой области, второй — к симметричному месту в двух метрах. Потом вернула питание обогревателя и повторила цикл.

— Что получаем? — спросила Нина.

— Не остаточное тепло. Источник регулируется. Когда коридор остыл, за панелью мощность поднялась. Разница держится около четырёх градусов.

— Труба с постоянной подачей?

— Тогда изменился бы соседний квадрат. Здесь граница прямоугольная.

Майя провела пальцем по ленте. Прямоугольник имел высоту человеческого корпуса и заканчивался там, где на старой кальке проходил сервисный люк Т-0.

Нина попросила Антона снять значения с электролинии. Отдельного потребителя он не нашёл. Тогда Майя поставила на пол датчик углекислого газа и взяла пробу из щели между панелями. Концентрация была выше коридорной, но ниже значения из третьей главы: объём за стенами недавно проветривали.

Два канала снова совпали. За панелью существовал тёплый сообщающийся объём, и кто-то менял его режим.

— Открываем? — спросила Майя.

— Сначала узнаем, что откроется вместе с ним.

Официальная схема показывала лишь тупиковую ветвь теплообмена. На рабочей кальке люк соединялся с Т-0, но дальнейшая трасса обрывалась на сгибе. Олег, глядя на копию через стекло лаборатории, отметил два ручных клапана и один перепускной канал.

— Если открыть люк без выравнивания, потянет воздух из хребта, — сказал он. — Не смертельно. Но тот, кто внутри, услышит.

— Он уже знает, что мы здесь.

— Знать и видеть открытую дверь — разное.

— Как вы доставляли еду?

— Через малую кассету под теплообменником. Люк не открывал.

— Кто обслуживал воздух?

Олег посмотрел на Аргунова, стоявшего за плечом Нины.

— Система сама держит.

— Система не изображена на схеме.

— Но держит.

Нина составила письменную процедуру: отключить автоматический привод сервисного люка, замерить давление по обе стороны через контрольный штуцер, открыть не более чем на три сантиметра, остановиться при отклонении в любом жилом модуле. Антон отвечал за питание, Майя — за датчики у Т-0, Вера — за общую мнемосхему. Олег должен был оставаться у камеры и комментировать каждый неизвестный элемент. Аргунов — наблюдать из центрального узла.

— Я не соглашался, — сказал он.

— Поэтому ваша подпись будет в графе «возражение».

— Вы провоцируете человека за стеной.

Это была первая фраза Аргунова, в которой человек прозвучал не условно.

Нина повернулась к нему.

— Кого именно?

— Любого, кто там может быть.

Он забрал лист, вписал возражение и поставил время.

У панели Нина проверила аварийные маски, страховочные стропы и связь. Павел остался за красной линией с бумажным журналом. Тамара принесла Олегову рацию, но канал молчал.

Контрольный штуцер показал разницу всего в три десятых килопаскаля. Майя дважды повторила замер другим прибором. Результат совпал.

— Допустимо для пробного открытия, — сказала она.

Антон снял питание с привода. Нина вставила ручной ключ. Металл сопротивлялся, затем сдвинулся на четверть оборота. За панелью щёлкнул фиксатор.

— Один сантиметр, — сказала Нина.

Майя следила за манометром.

— Без изменения.

— Два.

Из щели потянуло тёплым сухим воздухом. В нём был слабый запах железа и чего-то пищевого — не кухни, а давно открытой банки.

— Давление ровное.

Нина повернула ключ ещё на деление.

В центральном канале закричала Вера:

— Стоп. Падение в жилом модуле!

Нина вернула ключ. Антон восстановил питание привода, но люк не двинулся.

— Какой модуль?

— Второй жилой. Минус один и шесть, падает.

Это было в противоположной стороне станции. Между Т-0 и жилым модулем не существовало общей ветви ни на одной схеме.

— Людей вывести в центральный узел, — приказала Нина. — Межмодульную дверь закрыть. Антон, локальная вентиляция на ручной режим.

Павел побежал по коридору, отмечая своё время уже на ходу. Тамара встретила Льва и провела его из жилого отсека. Через сорок секунд модуль опустел. Давление продолжало снижаться, но медленнее.

— Утечки наружу нет, — сообщил Антон. — Наружный датчик молчит.

— Значит, воздух забирают внутрь станции.

Майя смотрела на щель Т-0. Тёплый поток оттуда прекратился.

— Здесь давление выросло, — сказала она.

Олег ударил ладонью по стеклу лаборатории и потребовал общий канал.

— Закройте перепуск Ж-четыре!

— Где он? — спросил Антон.

— В жилом, за шкафом аварийных масок.

На актуальной схеме клапана Ж-4 не было. Павел и Антон вернулись в пустой модуль вдвоём, с переносным манометром и камерой. За шкафом обнаружилась круглая крышка под слоем краски. Рычаг внутри стоял в положении «перепуск».

— Не трогайте, пока не зафиксируете, — сказала Нина.

Павел снял положение крупным планом. Антон проверил отсутствие разницы на внешней стене, затем закрыл клапан. Давление в жилом модуле перестало падать. У Т-0 оно вернулось к исходному за девяносто секунд.

Никто не открывал Ж-4 снаружи. Крышка была окрашена непрерывным слоем; его пришлось надрезать по окружности. Значит, рычаг переместился внутренней тягой — из скрытой трассы.

— Штатная защита? — спросил Павел, вернувшись.

Антон покачал головой.

— Штатная защита закрывает отсек с падением. Этот клапан забрал воздух из жилого и поднял давление у теплообменника. Он сделал барьер перед люком.

— Автоматически?

— Питание привода было снято. Тяга механическая.

Майя положила рядом две температурные кривые. В момент падения давления тёплый прямоугольник за стеной сместился вниз и вправо. Источник не исчез — отступил от люка.

Нина вызвала Олега к панели, оставив между ним и Аргуновым двух свидетелей.

— Кто знает Ж-4?

— Я. Сергей. Тот, кто живёт внутри.

— Значит, он только что управлял клапаном.

— Или дёрнул тягу, когда почувствовал люк.

— Он сознательно подверг людей риску.

— Он создал перепад, который вы обещали не создавать. И остановился, как только вы закрыли люк.

— Откуда он мог знать нашу процедуру?

Олег посмотрел на рацию у Тамары.

Проводная линия молчала, но внутренний канал всё время оставался открытым. Незвестный слышал их подготовку, ограничения и счёт. Он дождался третьего сантиметра и выбрал не случайную аварию, а штатный способ остановить вскрытие без выброса воздуха наружу.

Аргунов забрал свою копию процедуры.

— Теперь вы убедились. Насильно не открыть.

— Убедилась в обратном, — сказала Нина. — За стеной не беспомощный тайник. Там человек, который понимает систему и принимает решения.

Она опечатала ручной ключ отдельным пакетом и внесла Ж-4 на бумажную карту. Открывать люк второй раз без полной схемы было нельзя. Но и назвать скрытый объём пассивным резервом теперь никто не мог.

На экране «Состава» нижняя граница мигнула, пересчитывая переток воздуха, и снова остановилась на девяти.

Тёплая стена не отдала имени. Она ответила действием.

Глава 7. Акт эвакуации

После закрытия Ж-4 Нина велела никому не расходиться.

В центральном узле было тесно даже для девятерых. Павел принёс складные стулья из кают-компании, но сел только Лев. Олег остался у стены под камерой. Майя держала на коленях тепловизор, будто прибор мог ответить за человека по ту сторону панелей. На мнемосхеме давление уже выровнялось; второй жилой модуль снова считался пригодным, однако его дверь оставили закрытой до повторной проверки.

Аргунов стоял у пульта и не касался клавиш.

— Дальнейшее вскрытие запрещаю, — сказал он. — До восстановления связи.

— Вскрытия не будет, — ответила Нина. — Будет сверка списка.

— Список мы проверили шесть раз.

— Нынешний. Теперь проверим прежний.

Она сняла с шеи служебный ключ, открыла нижний ящик своего полевого кейса и вынула серую папку. Та семь лет пролежала сначала в домашнем сейфе, потом в архивном шкафу отдела, а на эту приёмку приехала между запасными бланками. Нина говорила себе, что взяла её ради сопоставления старых и новых схем. Папка была тонкой. Для правды, которую она удерживала, слишком тонкой.

Аргунов узнал её по загнутому углу.

— Это личная копия, — сказал он.

— Да.

— Она не зарегистрирована в архиве станции.

— Поэтому из неё нельзя вырвать страницу сорок два.

Вера выключила общий внутренний канал, соединявший центральный узел со служебным хребтом. Затем положила рядом с папкой переносной регистратор.

— Локальная запись, девять присутствующих, — объявила она. — Время двадцать один ноль семь. Продолжать?

Нина посмотрела на Олега. Он не просил оставить канал открытым. За стеной слышали достаточно, чтобы защищать люк. Имя она собиралась назвать не тайнику, а людям, которые семь лет обходили его в разговорах.

— Продолжать.

Папка раскрылась с сухим треском. На первом листе стояло: «Акт завершения аварийной эвакуации, объект Кромка-7, 18 февраля 2007 года». Под заголовком расплылась фиолетовая печать. Бумага пахла пылью и старым пластиком.

Нина передала Павлу чистый лист.

— Записывайте только то, что я читаю. Отдельно — число людей, отдельно — основание статуса.

— Почему я?

— Вас здесь тогда не было.

Антон придвинулся к столу.

— Меня тоже.

— Вы будете сверять фамилии с нынешним реестром и не дадите нам заменить документ воспоминаниями.

Аргунов усмехнулся без улыбки.

— Устроили независимую комиссию из метеоролога и механика.

— Именно. У них нет подписи под этим листом.

Нина прочла первую таблицу. Эвакуированы первым рейсом: врач Лев Баранов, радист Вера Соколова, техник связи Тамара Черных. Вторым: гляциолог Майя Рудина, инженер Олег Савин, двое сезонных буровиков, повар и электрик. Девять человек.

Павел провёл под итогом линию.

— Девять эвакуированных.

— Не девять выживших, — поправила Нина. — Девять доставленных на материк.

Лев поднял голову.

— Тогда разницы не видели.

— В акте видели. Поэтому формулировки разные.

Она перевернула страницу. Следующая таблица называлась «Безвозвратные потери». В ней была одна строка.

Нина почувствовала, как большой палец сам лёг на край бумаги, закрывая фамилию. Она убрала руку.

— Техник систем накопления Кирилл Андреевич Нестеров, тридцать два года. Статус: погиб при пожаре в нижнем посту. Тело не обнаружено.

В узле загудела вентиляция. Других звуков не было.

На Павловом листе появилось имя. Антон сверился с нынешним реестром.

— Нестерова нет ни в действующем составе, ни в перечне лиц с разрешённым доступом.

— Потому что мёртвым доступ не продлевают, — сказал Аргунов.

— А воздух?

— Что — воздух?

— Мёртвым продлевают воздух семь лет?

Олег оттолкнулся от стены.

— Нина, не надо сейчас.

— Сейчас уже поздно для «не надо».

Она положила рядом четыре листа: старый акт, сегодняшнюю ведомость жетонов, таблицу расхода кислорода и бумажную карту скрытой трассы. Получалась не разгадка, а граница допустимых объяснений.

— У нас девять видимых людей, — сказала Нина. — Контур давал десять, пока все находились в разных зонах. После исчезновения Олега он давал девять: восемь видимых и минимум одно тело в хребте. Продукты уходили туда годами. За Т-0 регулируют тепло и воздух. Человек у люка знает Ж-4 и способен действовать по услышанной процедуре. В старом акте только один человек исключён из состава без найденного тела.

— Это не идентификация, — сказал Лев.

— Нет. Для идентификации нужны независимые признаки, принадлежащие именно Нестерову. Пока у нас кандидат, который объясняет общий рисунок с наименьшим числом допущений.

— Кандидат в мертвецы? — спросила Тамара.

— Кандидат в живые.

Майя поставила тепловизор на стол.

— Кирилл был левшой.

Аргунов резко повернулся к ней.

— И что?

— Тяга Ж-4 уходит вправо от Т-0. Если тянуть из хребта, удобнее левой рукой. Но это слабый признак. Я просто вспомнила.

— Не добавляем, — сказала Нина. — Пока не проверено.

Майя кивнула. Лицо её стало ещё бледнее: привычное воспоминание впервые пришлось удержать от превращения в доказательство.

Павел пересчитал два числа.

— Девять эвакуированы, один признан погибшим. Всего десять участников аварийной смены?

— В зоне эвакуации — десять, — сказала Вера. — Начальник и инженер безопасности остались до второго борта, но в таблицу пассажиров не входили как пострадавшие.

Павел пересчитал строки.

— Тогда здесь не сходится итог. Если вы с Аргуновым тоже были на станции, почему в акте только десять?

Нина нашла примечание мелким шрифтом. Там должностной состав отделили от эвакуируемой группы. Из-за этого старая таблица могла выглядеть полной при любом беглом чтении: девять вывезли, один погиб, двое руководили. Число сходилось, пока никто не спрашивал, на каком основании единственная строка стала смертью.

— Читайте основание, — сказал Антон.

Нина прочла: «По совокупности показаний руководителя аварийных работ, медицинского заключения и невозможности доступа к нижнему посту до полной продувки».

Лев медленно поднялся со стула.

— Моё заключение было предварительным.

— В приложении оно названо медицинским.

— Я слышал доклад о травме: удар, потеря сознания, дыхание не определяется. Связь оборвалась. Я написал, что без немедленной помощи прогноз неблагоприятный.

— Осматривали его?

— Нет.

— Кто сообщил, что дыхание не определяется?

Лев посмотрел на Аргунова.

— Сергей.

— Я передал то, что получил по нижней линии, — сказал Аргунов. — В пожаре канал рвался. Там не было времени устраивать судебную экспертизу.

— На ленте нижнего канала должен быть первичный доклад, — сказала Вера. — Но лента утрачена. И подпись под утратой моя.

Она произнесла это спокойно, не пряча руки под стол. Тамара отвернулась к мнемосхеме.

— Я переписывала склад после эвакуации, — сказала она. — В нижнем резерве не хватало двух дыхательных кассет. Сергей сказал, их сгоревшими списать. Я списала.

Олег шумно вдохнул.

— Кассеты могли уйти с ним в капсулу.

— В какую капсулу? — спросил Павел.

— Я сказал «могли».

— Вы сказали «с ним».

Олег замолчал.

Нина не стала дожимать. Полное объяснение хребта требовало другого осмотра и других документов. Сейчас важнее было не позволить каждому признать крошечную техническую ошибку и оставить общий итог без хозяина.

Она достала из папки сложенную вчетверо схему.

Сгибы побелели. На лицевой стороне значилась трасса эвакуационного поиска: центральный узел, нижний переход, аккумуляторная, аварийный выход. Красными галочками были отмечены проверенные отсеки. За теплообменником Т-0 линия обрывалась ровно там, где на рабочей кальке начиналась скрытая перемычка.

— Это приложение три, — сказала Нина. — Схема зоны, признанной проверенной перед закрытием поиска.

Она развернула рядом сегодняшнюю бумажную карту. Контур не совпадали.

— На старой нет Ж-4, перемычки за мастерской и объёма за Т-0, — сказал Антон.

— На чистовой нет.

— А тогда вы знали?

Нина положила палец на карандашный след у сгиба. Почти стёртая линия уходила за край официальной зоны. Рядом её рукой было написано: «уточнить после сброса давления».

— Я видела, что схема неполная.

Аргунов сделал шаг к столу.

— Ты видела неподтверждённую ветвь. Не переиначивай.

— Я видела расхождение.

— И видела погоду. Борт держался на последнем топливе. Если бы мы отказались закрыть акт, экипаж потребовал бы продолжить поиск. Девять человек остались бы ждать ещё сутки без врача и нормального тепла.

— Поэтому мы выбрали число.

— Мы выбрали живых.

— Нет. Мы выбрали, кого считать живым.

Фраза прозвучала тише, чем Нина ожидала. Никто не перебил.

Она повернула схему нижним краем к Павлу и Антону. Там стояли подписи комиссии. Первая — Аргунова. Вторая — Льва под медицинским приложением. Третья, уверенная, с длинной перекладиной, принадлежала ей.

— Я подписала, что обозначенная зона поиска полна, — сказала Нина. — Она не была полной. Я знала о расхождении и не потребовала проверить ветвь после выравнивания давления.

— Ты потребовала эвакуацию раненых, — сказала Майя.

— Одно не отменяет другого.

— Если бы второй борт не ушёл, мы могли потерять Веру, — сказал Лев.

Вера посмотрела на него.

— Не прикрывай моей температурой свою подпись.

Лев сел обратно.

Нина ждала, что после признания станет легче хотя бы дышать. Ничего не изменилось. Воздух подавался тем же ровным потоком, только теперь его расход перестал быть нейтральной строкой. Каждый кубометр, уходивший в скрытую трассу, связывал сегодняшнюю станцию с тем решением.

Аргунов взял схему за край.

— Это копия, которую нельзя считать доказательством без оригинала.

Нина не отпустила лист.

— Поэтому мы не будем считать только её.

Она попросила Веру открыть локальный архив сканера. В журнале за 2007 год сохранились контрольные суммы приложений, но сами изображения были недоступны из-за повреждённого накопителя. Антон ввёл номер схемы с нижнего поля. Контрольная сумма личной копии, снятая портативным сканером, совпала с архивной строкой.

Павел записал время сверки. Вторым каналом стала не память Нины и не признание Аргунова, а машинный след документа, оставшийся до нынешней смены.

— Копия соответствует зарегистрированному приложению, — сказал Антон. — По содержанию на дату регистрации.

— Теперь достаточно? — спросила Нина.

Аргунов отпустил бумагу.

— Достаточно, чтобы уничтожить станцию до выяснения, кто там на самом деле.

— Станцию уничтожает не выяснение.

— Когда прилетит комиссия, она отключит программу. Здесь не будет ни людей, ни наблюдений, ни денег на новый комплекс. Посёлки останутся без ледовых данных. Всё ради человека, который семь лет не вышел, хотя мог подать знак?

Олег поднял глаза.

— Он подавал.

Аргунов повернулся к нему, и этого движения хватило: в узле поняли, что спор идёт уже не о вероятности.

Олег отступил к стене.

— Я не сказал, когда.

— Но сказал «он», — заметила Тамара.

— Хватит ловить слова.

— Семь лет мы только слова и не ловили, — ответила Вера.

Нина собрала листы в прозрачные пакеты. Оригинальную копию акта запечатала отдельно, скан сохранила на два автономных носителя. Один отдала Павлу, второй — Майе. Аргунов потребовал третий экземпляр и получил его при всех. Скрывать документ от начальника означало бы повторить ту же конструкцию: назначить одного человека недостойным полной версии.

Затем Нина составила новый заголовок бумажного журнала:

«Проверка возможного присутствия Кирилла Андреевича Нестерова. Основание: независимые признаки живого тела в служебном хребте и акт 2007 года о гибели без обнаружения тела».

Под заголовком она первой записала своё имя и роль в прежней комиссии.

— Каждый сейчас укажет только подтверждённое личное действие, — сказала она. — Не предположение о Кирилле и не оправдание. Что видел, что сделал, какой документ подписал. Павел и Антон фиксируют процедуру, но не становятся судьями.

— А если я откажусь? — спросил Аргунов.

— Отказ тоже будет личным действием с временем и подписью свидетелей.

Тамара подошла первой. Записала две кассеты и старое списание. Вера — утраченную ленту. Лев — заключение без осмотра. Майя указала, что после пожара видела иней на наружном люке и приняла его за доказательство отсутствия выхода, не проверив внутреннюю трассу. Олег долго держал ручку над листом, затем написал только: «Переносил резерв к Т-0 по распоряжению С. Аргунова; получателя не указываю». Этого было мало, но это уже нельзя было растворить в общих словах.

Аргунов расписался в отказе от объяснений до связи с материком.

Последней Нина написала: «Подписала приложение три при известном несоответствии схемы. Полный поиск скрытой ветви не проведён».

Павел пересчитал людей у стола и поставил в журнале девять отметок присутствия. Потом посмотрел на экран «Состава». Нижняя граница оставалась девять: система не могла разделить все тела, пока они стояли одной группой, а скрытый объём молчал.

— Получается, сейчас он для прибора исчез? — спросил Павел.

— Для одного среза, — ответила Нина. — Не из истории измерений.

Она прикрепила копию старого акта к новой карте станции. Рядом с Т-0 написала имя полностью: «Кирилл Нестеров — возможное живое присутствие, идентификация не завершена».

Имя заняло больше места, чем условный прямоугольник.

До этого они искали лишний импульс, лишний паёк, лишний расход воздуха. Теперь у каждого признака был человек, которого когда-то вычли из списка совместным документом. Чтобы продолжить проверку, им предстояло восстановить не только маршрут за стеной, но и

двадцать четыре минуты, за которые десять участников аварии превратились в девять эвакуированных и одну удобную смерть.

Нина закрыла старую папку. Новый журнал оставила открытым.

Глава 8. Неполный поиск

Павел начертил на длинном листе двадцать четыре клетки — по одной на каждую минуту между 14:10 и 14:34.

Лист занял половину стола. Слева лежал акт эвакуации, справа — копии журналов связи, пожарной автоматики и предполётной ведомости. Нина развела старую смену по разным помещениям: Майю — в лабораторию, Тамару — на склад, Льва — в медблок, Веру — к резервной радиостанции, Олега — в мастерскую. Аргунов остался в своём кабинете под камерой. Никому не позволялось слышать чужое восстановление до фиксации собственного.

Антон следил за давлением и переходами. Сам служебный хребет временно исключили из маршрутов. Ж-4 опечатали двумя лентами, а у Т-0 оставили тепло- и газовые датчики. Незвестный за стеной не подавал знаков.

— Почему двадцать четыре минуты? — спросил Павел.

— В 14:10 автоматика зарегистрировала первый дым, — сказала Нина. — В 14:34 второй борт закрыл дверь. Между этими отметками решился статус Нестерова.

— Но прежний журнал начинается в 14:19.

— Поэтому и рисуем пустые клетки, а не притворяемся, что их нет.

Они договорились о порядке. Каждый называл время, источник времени и действие. Если часы не сверялись с общей сетью, запись получала диапазон. Если факт известен только со слов другого, его заносили отдельным цветом. Выводы не вписывали вовсе.

Первой пришла Вера.

В 2007 году ей было двадцать шесть. Во время пожара она работала в радиоузле и вела переговоры со вторым бортом. Вера принесла не воспоминание, а свою старую записную книжку — маленькую, в клеёночной обложке. На страницах сохранились позывные, частоты и пометки о помехах.

— В 14:09 пилот подтвердил семь минут до предельного остатка на висении, — сказала она. — Я записала по своим часам. Станционная сеть отставала примерно на минуту, но точного смещения уже не докажу.

Павел поставил первую отметку диапазоном 14:09–14:10.

В 14:11 Вера услышала сигнал пожарной автоматики и перешла на внутреннюю линию. Нижний пост ответил не сразу. Голос она не опознала из-за треска. Было сказано: «Пятый блок греется, дым у батарейной».

— Это мог быть Кирилл? — спросил Павел.

— Мог. Мог Олег. Они оба работали внизу.

— В акте доклад приписан Нестерову.

— В акте много вещей приобрели точность позже.

В 14:13 Аргунов потребовал общий канал себе. Вера переключила нижнюю линию на начальника и продолжила говорить с пилотом. В 14:16 связь с низом пропала. Не постепенно: несущая оборвалась после короткого удара.

— Лента должна была записать разговор Аргунова, — сказала Нина.

— Должна. После эвакуации катушка зажевалась в приводе. Я вытащила её, не опечатав, и отдала Сергею сушить. Через день он вернул пустую кассету.

— Вы проверили номер?

— Нет.

— Почему подписали техническую утрату?

Вера провела ногтем по клеёночному краю книжки.

— Потому что сама нарушила цепочку хранения. Если бы я написала о передаче кассеты, отвечать пришлось бы Сергею. Если о незапечатанной ленте — мне. Формулировка «повреждена при перегреве» спасала обоих.

Нина внесла признание в отдельный протокол. На временной шкале появился первый разрыв: разговор между Аргуновым и нижним постом длился до трёх минут, но содержание не сохранилось.

— Что было после обрыва? — спросил Павел.

— Сергей сообщил по общему каналу, что Нестеров травмирован и остаётся у пятого блока. Приказал вывести людей из нижнего перехода и закрыть огневую дверь.

— Точная фраза?

— Нет. Смысл.

— Время?

— Не раньше 14:16 и не позже 14:18. В 14:18 пилот сказал, что больше ждать не будет.

Когда Вера ушла, Павел закрыл её строки непрозрачной полоской. Следующей вошла Тамара.

Она восстанавливала время по складской ведомости. В 14:10 выдала две маски Олегу и Майе. В 14:12 — аптечный ящик Льву. Потом Аргунов по внутренней связи велел подготовить второй аварийный комплект для нижнего перехода.

— Кому передали? — спросила Нина.

— Никому. Я вынесла комплект в центральный узел, но там уже закрывали дверь. Оставила у стены.

— В комплект входили дыхательные кассеты?

— Две.

— Те самые, которые позже списали?

— Не знаю. Комплект исчез до посадки второго борта. После эвакуации на полке не хватало двух кассет того же типа.

— Кто имел доступ к узлу?

— Все, кто проходил к шлюзу.

Павел не позволил соединить две строки стрелкой. Комплект исчез; две кассеты отсутствовали. Совпадение количества было уликой, но не маршрутом.

В 14:17 Тамара видела Олега у огневой двери. Он был без маски, кашлял и требовал открыть нижний переход. Аргунов держал ручной ключ.

— Они спорили?

— Олег говорил, что в перемычке кто-то стучит. Сергей сказал: это металл ведёт от жара.

Нина почувствовала холод под воротником, хотя в узле было тепло.

— В прежних показаниях стука нет.

— Сергей попросил не писать. Сказал, любой звук после потери связи заставит пилота снять людей и идти на поиск, а топлива не хватит.

— Вы согласились?

Тамара посмотрела на девятую клетку.

— Я уже сидела пристёгнутая в борту, когда подписывала показание. Да.

В 14:20 её вывели к вертолёту вместе с Верой и Львом. После этого она не видела нижней двери.

Майя принесла полевой журнал гляциолога. Его страницы намокли при эвакуации, но карандаш сохранился. Она находилась у наружного люка нижнего поста, потому что пожарная схема предписывала проверить альтернативный выход.

— В 14:14 на крышке уже был иней, — сказала Майя. — Ровный, без скола по петлям. Я решила, что люк изнутри не открывали.

— Из этого следует только, что крышка не двигалась до осмотра, — сказал Павел.

— Теперь я знаю.

— А тогда?

— Тогда я передала: наружного выхода нет.

Она закрепила страховку и собиралась спуститься к люку, но получила команду вернуться из-за ухудшения видимости. В 14:18 её стропа снята с наружной точки — запись стояла в журнале. В 14:21 Майя вошла в шлюз.

— Видели кого-нибудь у служебного хребта?

— Олега. Он нёс свёрнутую верёвку и второй конец кабеля. Сказал, что пойдёт через мастерскую.

— Время?

— После моего входа, до посадки. Две-три минуты.

— Сообщили Аргунову?

— Нет. Я думала, Олег выполняет его приказ.

— А почему в акте написано, что все поисковые группы отозваны в 14:19?

Майя провела пальцем по отметке страховки.

— Потому что мою группу отозвали. Другую я не стала называть группой.

Нина внесла второй независимый след того, что после официального завершения поиска Олег направлялся к скрытой перемычке. Это ещё не говорило, дошёл ли он и кого мог встретить.

Лев пришёл с папкой старых медицинских карт. Его время строилось вокруг состояния Веры: в 14:15 температура сорок и две, спутанность сознания; в 14:22 введён препарат; в 14:25 пациентка передана бортовому фельдшеру.

— Заключение по Кириллу когда сделали? — спросила Нина.

— Между первым сигналом и передачей Веры. Сергей сказал: Кирилла ударило креплением, он без сознания, дыхание не определяется, добраться невозможно из-за огня.

— Это было до закрытия двери?

— Не помню.

— На чём записали?

Лев показал оборот расходной карточки. Там карандашом стояло: «К.Н. — травма головы, без дых., t?». Ни времени, ни источника.

— Вы спросили, кто проверял дыхание?

— Спросил. Сергей ответил: сообщение с нижнего поста.

— Но Вера слышала только доклад о нагреве пятого блока. Потом канал был у Аргунова.

— Значит, доклад прозвучал в его разговоре.

— Или был его выводом.

Лев сжал карточку, потом осторожно расправил край.

— Я не различил.

— Но в акте написали «медицинское заключение».

— К моменту акта прошло двое суток. Сергей продиктовал формулировку, я подписал. Считал, что мы оформляем уже установленную смерть.

— Кем установленную?

Лев не ответил.

Его нарушение не заключалось в ошибочном диагнозе: диагноза не было. Он позволил чужому радиодокладу превратиться в собственное медицинское свидетельство.

Олег вошёл предпоследним. Он увидел закрытые полосками чужие строки и попросил раскрыть их.

— После вашего показания, — сказала Нина.

— Вы хотите поймать меня на минутах.

— Мы хотим понять минуты.

В 14:11 Олег находился в нижнем переходе вместе с Кириллом. Пятый аккумуляторный блок начал выбрасывать едкий дым; автоматическое тушение не запустилось. Кирилл пошёл к ручному отсекателю, Олег — к пожарному шкафу. Между ними опустилась огневая штора.

— Вы видели травму? — спросила Нина.

— Нет.

— Слышали удар?

— Слышал, как что-то упало. Потом Кирилл ответил по связи.

Павел поднял ручку.

— Что именно сказал?

Олег закрыл глаза.

— «Пятый греется. Уходи вверх».

— Он говорил после удара?

— Не знаю, что ударило и когда. Там всё гремело.

Олег поднялся через мастерскую и в 14:15 встретил Аргунова у огневой двери. Потребовал открыть её ручным ключом. Аргунов отказался: датчик показывал температуру выше допуска, открытие могло протянуть огонь в жилой контур.

— Разумный отказ? — спросил Павел.

— На ту минуту — возможно. Потом температура пошла вниз.

— Откуда знаете?

— Видел индикатор.

— В журнале датчик нижней двери числится отказавшим в 14:16.

— Отказал канал записи. Местная шкала работала.

Нина отметила новый факт для проверки. Он мог объяснить, почему Олег требовал повторного входа, а мог быть поздней защитой собственного бездействия.

В 14:18 он услышал из-за двери серию ударов. Три, пауза, два.

Тот же рисунок, который семь лет спустя прозвучал в служебном хребте.

— Почему вы не сказали это в четвёртой главе проверки? — спросила Нина.

— Вы спрашивали, кто мог ходить по станции сейчас.

— Я спрашивала о пробеле в старых показаниях.

— Потому что тогда пришлось бы объяснять всё остальное.

— Объясните сейчас.

— Сейчас я объясняю до 14:34.

Нина удержала взгляд. Олег точно очертил границу: говорить об аварии, не говорить о последующих днях. Она не могла заполнить пустоту принуждением и назвать это доказательством.

После ударов Олег взял верёвку и направился к мастерской, надеясь обойти огневую дверь через сервисную перемычку. Подвижную стойку он знал по ремонту кабеля. Но в самой перемычке обнаружил дым и вернулся.

— До какого места дошли?

— До первого поворота.

— Т-0 видели?

— Нет.

— Человека?

— Нет.

— Следы?

— Не помню.

Последний ответ прозвучал хуже прямого отказа.

Олег вернулся в узел около 14:26. Борт уже принимал людей. Аргунов велел ему пристегнуться и сказал, что нижний пост отрезан, а второй заход будет после сброса давления. Олег подчинился.

— Почему?

— Потому что хотел жить.

Это было первое объяснение за вечер, не замаскированное процедурой.

Аргунов вошёл последним. Он отказался садиться и сразу потребовал открыть все предыдущие строки. Нина отказала до его рассказа.

— Значит, это допрос с сокрытием материалов.

— Это независимая фиксация. Потом получите копию полностью.

Аргунов восстановил начало почти так же, как Вера и Олег. В 14:13 он принял нижний канал. На связи был Кирилл.

— Состояние?

— Дезориентирован. Говорил, что его ударило рамой. Дышал тяжело.

— То есть дышал.

— В начале разговора.

Аргунов утверждал, что велел Кириллу лечь у пола и ждать открытия огневой двери. Затем раздался грохот, связь оборвалась. На повторный вызов никто не ответил. Через местное окно Аргунов видел густой дым. Датчик температуры быстро рос.

— Почему сообщили Льву, что дыхание не определяется?

— Я сказал: ответа и дыхания по каналу не слышу.

— Это разные утверждения.

— В аварии слова короче времени.

— В акте они стали ещё короче: «погиб».

Аргунов не спорил. Он описал решение закрыть огневую дверь как единственное, которое сохраняло жилой контур. Решение отозвать наружную группу — как необходимое из-за белой мглы. Решение отправить борт — как медицинское из-за состояния Веры и двух пострадавших буровиков.

— А повторный поиск через мастерскую? — спросила Нина.

— Я его не санкционировал.

— Знали, что Олег пошёл туда?

— Увидел, когда он вернулся.

— Спросили, что нашёл?

— Он сказал: дым.

— Стук слышали?

— Там работали металл и клапаны.

— Там кто-то повторил тот же сигнал сегодня.

— Сегодня вы уже внушили всем его значение.

Нина перешла к последним клеткам. В 14:27 пилот потребовал закрыть посадочную дверь. В 14:29 Аргунов приказал провести перекличку. В ней назвали девять эвакуируемых и двух остающихся руководителей. Кирилла не назвали ни среди живых, ни среди проверяемых.

— Почему? — спросил Павел.

— Потому что я уже считал его погибшим, — ответил Аргунов.

— На каком основании, если тело не видели и последний подтверждённый разговор был с живым человеком?

— На основании пожара, травмы, отсутствия ответа и невозможности доступа.

— Это основание прекратить попытку в ту минуту. Не основание изменить статус навсегда.

Аргунов посмотрел на Павла с неожиданным вниманием.

- Вы бы оставили борт?
- Я не знаю. Меня там не было.
- Тогда не судите.
- Я и не сужу. Я подписываю минуты.

В 14:31 Нина пришла к шлюзу с предварительной схемой. Это она предложила формулировку «нижний пост недоступен до продувки». В 14:32 проверила число людей на борту. В 14:34 дверь закрылась.

- Вы с Ниной остались? — спросил Павел.
- До следующего окна, — сказал Аргунов.
- Когда проверили скрытую ветвь?
- Не проверили. После продувки обрушилась часть лотка, доступ признали небезопасным.

- Но Олег нашёл проход семь лет спустя?
- Олег нарушал запреты семь лет подряд.

Это было обвинение и подтверждение в одной фразе. Аргунов понял слишком поздно и потребовал вычеркнуть её как оценочную. Павел вычеркнул только слово «нарушал», оставив факт: Олег пользовался проходом.

Когда все показания легли на одну шкалу, совпавшие места обвели чёрным. Первый дым — два независимых источника. Разговор Кирилла с Аргуновым — признан обоими участниками через показания Олега о предыдущей связи и Веры о передаче канала. Закрытая огневая дверь — автоматика и свидетели. Стук — Тамара и Олег. Попытка пройти через мастерскую — Майя и Олег. Уход борта — радио- и предполётный журналы.

Красным остались противоречия. Было ли после обрыва слышно дыхание. Работала ли местная шкала температуры. Знал ли Аргунов о повторном маршруте заранее. Что вынес или оставил Олег в перемычке. Куда исчез аварийный комплект с двумя кассетами.

Но главная пустота исчезла. Они не исчерпали все способы поиска. Они прекратили поиск, имея признаки живого человека, потому что каждый последующий шаг увеличивал риск для остальных и цену личного решения.

- Здесь нет одного приказа «оставить», — сказал Лев, читая общую шкалу.
 - Нет, — ответила Нина.
 - Значит, никто сознательно его не оставлял.
 - Значит, никто не произнёс этого вслух.
- Вера указала на клетки 14:18–14:26.

— Я торопила борт из-за себя. Тамара спрятала стук. Майя не назвала Олега поисковой группой. Лев превратил доклад в заключение. Нина закрыла неполную схему. Сергей не назвал Кирилла на переключке. Олег вернулся.

- А ты потеряла ленту, — сказал Аргунов.
- Да. Поэтому моя строка здесь тоже есть.

Нина сняла непрозрачные полоски. Теперь каждый видел, где его версия совпадала с чужой, а где держалась только на собственной уверенности.

- Олег задержался у клетки 14:18. Три удара, пауза, два.
- Сегодня это был он? — спросил Павел.
 - Не знаю, — ответил Олег.
 - Но семь лет назад вы решили, что это человек.
 - Да.
 - И всё равно улетели.

Олег провёл пальцем до клетки 14:34.

- В тот день — да.

Он снова поставил границу там, где начиналась другая история.

Нина прикрепила шкалу под актом. На двадцати четырёх клетках не нашлось минуты, когда один злодей решил судьбу Кирилла за всех. Нашлась последовательность малых решений, каждое из которых можно было защитить отдельно. Вместе они образовали полный акт и неполный поиск.

За стеной Т-0 изменился тепловой рисунок. Майя вызвала центральный узел: источник переместился примерно на метр вдоль хребта. Почти одновременно датчик углекислого газа у панели показал короткий подъём.

Два канала. Живое присутствие снова ответило движением.

Открытый внутренний канал по-прежнему был выключен. Тот, кто находился в скрытой трассе, не мог слышать их признаний.

Но он знал этот промежуток лучше всех присутствующих.

Глава 9. Чужое дыхание

Архив кислородного контура хранил не людей, а разницу между тем, сколько воздуха станция должна была потерять, и тем, сколько она потеряла на самом деле.

За семь лет разница накопилась в длинную полосу цифр. Нина вывела её на большой экран центрального узла, и серый график лёг поверх ночей тонкими зубцами. Днём линия распадалась: кухня, сушильный шкаф, пайка Антона, открытые шлюзы и девять человек превращали расход в шум. После полуночи станция успокаивалась. Именно тогда почти каждую ночь появлялся одинаковый провал.

— На утечку похоже, — сказал Аргунов.

Он стоял у двери, хотя свободных стульев было три. После общей шкалы аварии он больше не занимал место во главе стола.

— Похоже, — согласилась Нина. — Поэтому сначала докажем утечку.

Павел повернулся к ней.

— Или опровергнем?

— Нет. Если заранее решим, что опровергаем, получим ещё один акт с готовым выводом.

Она разделила экран на четыре поля. В первом был расход кислорода из рабочих кассет. Во втором — показания углекислого газа по зонам. В третьем — положение исполнительных клапанов, каким его видел контроллер. В четвёртом оставалось пустое место для бумажного архива.

«Состав» не умел узнавать дыхание. Он видел только, что из баланса исчезло больше кислорода и появилось больше углекислого газа, чем объясняли зарегистрированные люди и оборудование. Для нижней границы этого хватало, когда избыток держался в одной зоне достаточно долго. Для Нины — нет.

Утечка тоже забирала кислород. Коррозия кассеты могла исказить расход. Старый датчик мог медленно уходить от нуля. Даже холодная стена поглощала часть углекислого газа, а потом отдавала его при нагреве. Один аккуратный график был всего лишь аккуратным способом ошибиться.

— Сколько у нас непрерывного архива? — спросила она.

Вера открыла перечень носителей.

— Подробные срезы за девяносто четыре дня. До этого — суточные итоги. Два разрыва после замены накопителя и один после грозового импульса.

— Семь лет?

— Суточные итоги — да. Если их не чистили вручную.

Аргунов усмехнулся без веселья.

— Теперь любое отсутствие строки будет доказательством чистки?

— Нет. Отсутствие строки будет отсутствием строки.

Нина попросила Веру снять копию подробного архива на два независимых носителя и записать контрольные суммы в открытый журнал. Антон принёс паспорт рабочих кассет и таблицу поправок. Майя — переносной газоанализатор с последней поверкой. Тамара поставила на край стола термос и, не спрашивая, взяла бумажный журнал вентиляции.

Олег сидел отдельно. После главы показаний его никто не запирали и не охраняли, но он сам выбрал место под камерой, будто продолжал доказывать, что не исчезнет второй раз.

— Ж-4 записывался в общий архив? — спросила Нина.

— Только привод, — ответил он. — Механическое открытие контроллер не видит.

— Почему?

— Потому что заслонка старая. Электропривод добавили позже. Концевик стоит на валу привода, а ручной рычаг соединён через муфту. Если разомкнуть муфту, экран продолжит показывать последнее командное положение.

Антон поднял голову от таблицы.

— Так быть не должно.

— Так не приняли бы сейчас. Тогда приняли.

— Кто знал?

— Любой, кто обслуживал ветвь и читал старую схему.

— То есть вы, Аргунов и человек внутри, — сказал Павел.

Олег посмотрел на пустое место у четвёртого поля.

— Я уже говорил: Ж-4 знают трое. Это не значит, что каждый раз ходил один и тот же.

Нина не позволила спору уйти к имени.

— Сначала найдём каждый раз.

Они выбрали двенадцать ночей из подробного архива: четыре с отчётливым провалом, четыре без него и четыре со спорной формой. Временные метки скрыли. Вера передала Антону только исходные данные по кассетам, температуре и давлению. Майя отдельно получила углекислый газ и тепловые зоны. Павел выписывал ночные работы, не видя результатов обоих расчётов.

Нина считала расход по физическому балансу, а не по готовому итогу «Состава». Для каждой ночи она вычла объём, который могли потребить девять зарегистрированных людей в их известных зонах. Поправка была широкой: сон, дежурство и работа давали разные значения. Она намеренно брала верхнюю границу для видимой смены. Если лишний расход исчезал внутри допуска, ночь считалась пустой.

Первая ночь исчезла. Вторая тоже. На третьей после 01:47 осталась ступенька, слишком ровная для случайной ошибки и слишком малая, чтобы уверенно назвать её человеком.

— Не тяните линию дальше данных, — предупредила Нина, когда Павел наклонился к экрану.

В 02:13 расход поднялся ещё раз, продержался двадцать две минуты и вернулся к первой ступени. В 04:51 обе ступени исчезли почти одновременно.

Антон закончил свой расчёт и положил лист оборотом вверх. Майя сделала то же. Только после этого Нина открыла результаты.

По кислороду спорная ночь давала дополнительный устойчивый потребитель в служебной ветви. По углекислому газу Майя нашла два подъёма: слабый длительный и короткий более высокий. Их начала отставали от кислородных ступеней на время прохождения воздуха от Т-0 к ближайшему датчику.

— Совпадение, — сказал Аргунов. — Один и тот же поток несёт оба газа. Это не два независимых канала.

— Верно, — сказала Нина.

Павел нахмурился.

— Но в прошлый раз мы считали кислород и углекислый газ двумя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.